

Герберт Хьюит
Рожденный с мечом в руке. Военные походы Эдуарда Плантагенета. 1355—1357

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618985

Г.Хьюит. Рожденный с мечом в руке. Военные походы Эдуарда Плантагенета. 1355 – 1357:

Центрполиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-227-02271-4

Оригинал: H.Hewitt, "The Black Prince's Expedition"

Перевод:

Ирина Петровская

Аннотация

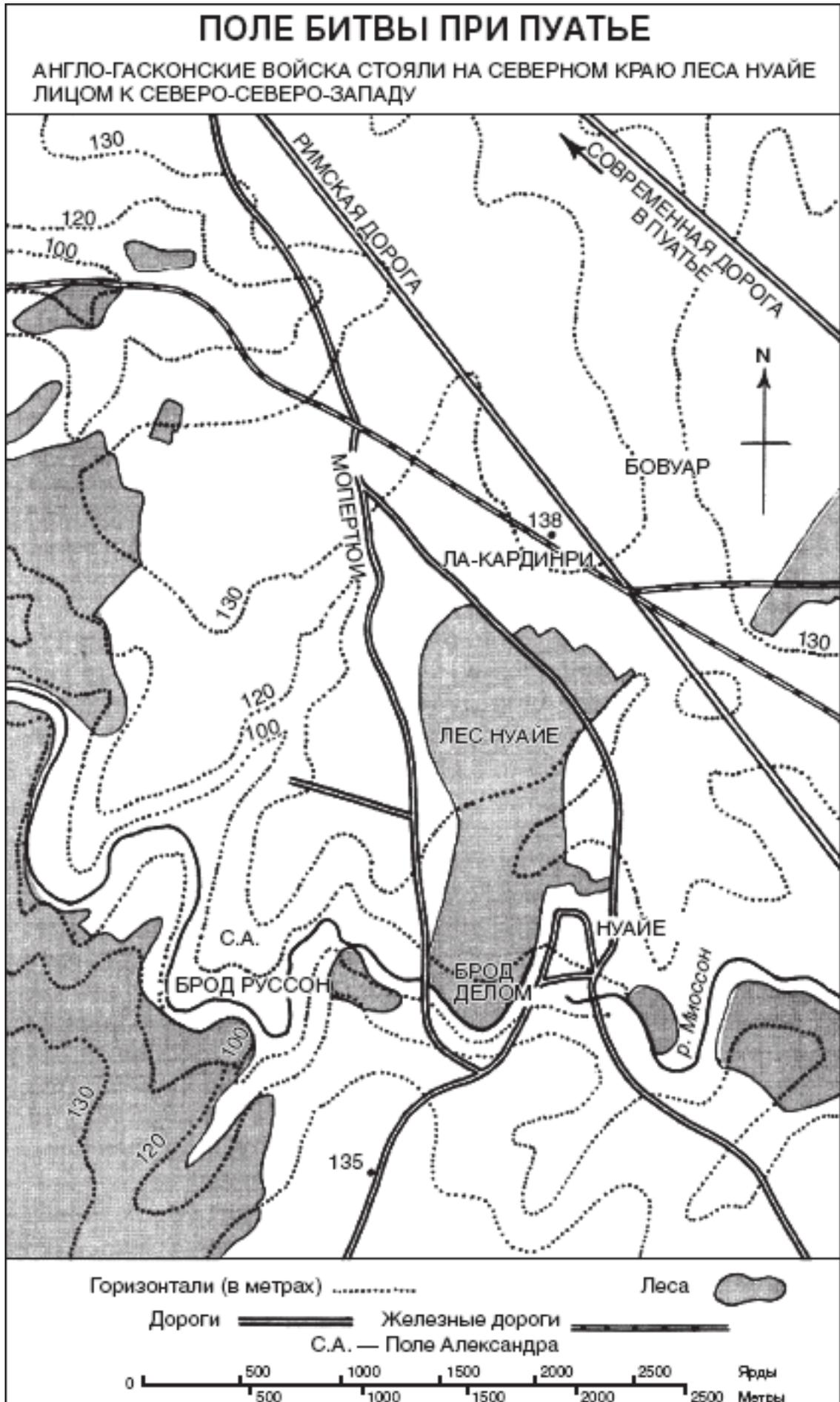
В своей книге автор не только рассматривает политику и стратегию ведения войны Эдуардом Плантагенетом, прозванным Черным принцем, но и оценивает всю кампанию в целом: состав войска, снабжение его продовольственными ресурсами, обеспечение должного уровня военной дисциплины, подробное описание вооружения и обмундирования воинов и многие другие составляющие средневековой армии.

Эдуард Плантагенет остался в истории наследным принцем, сумевшим внести достойный вклад в развитие своей страны. Возможно, если бы его ранняя смерть не помешала ему стать королем Англии, этот вклад был бы куда значительнее.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава 1	9
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Герберт Хьюит
Рожденный с мечом в руке.
Военные походы Эдуарда
Плантагенета. 1355 – 1357**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой работе я не старался внести вклад в историю военного искусства: тогда мне пришлось бы ограничиться исследованием уже хорошо изученной темы. Но это не было и попыткой заполнить пробелы в трудах Омана, Лонгмена, Макиннона, Таута, Беллока, Денифля, Молинье, Делашенала, Лота. Для этих авторов экспедиция 1355 – 1357 годов была всего лишь одним эпизодом в сложной истории XIV века, и каждый из них, разумеется, выбирал для рассмотрения только те аспекты событий, которые имели отношение к его теме. По сути, они описывали только одну военную сторону этой экспедиции, а поскольку ее целью была борьба за права (на французскую корону. – *Ред.*) Плантагенетов, следовательно, это было военным давлением на подданных короля Франции, а преимущественно применяемый метод – уничтожение. Может показаться, что достаточно изучить только военные действия, чтобы описать экспедицию принца для британской национальной истории. Однако люди, из которых состояло войско Черного принца, были заинтересованы не только в том, чтобы сражаться, но и в том, чтобы захватить добычу и пленных. Кроме того, они понимали, что должны вернуться в Англию, и вернуться со своими ценными пленниками и награбленным. Этим сторонам экспедиции принца до сих пор уделялось слишком мало внимания. Историки не занимались также чеширскими лучниками, двумя переездами по морю, вознаграждениями за службу и не интересовались тем, что во время экспедиции Эдуард показал себя не только как военачальник, но и как государственный деятель.

Таким образом, существует возможность составить более многостороннее описание этой экспедиции, чем уже существующие исторические повествования. Пытаясь это сделать, я почувствовал, что не следует слишком подчеркивать чисто военные и политические аспекты, хотя их роль и важна; что наилучшая услуга, которую в этом случае автор может оказать читателю, – это изобразить поход принца «весь в целом» – так, чтобы читатель смог представить себе это сообщество посланных в чужую страну людей, их различное происхождение и различные причины участия в походе, их прежний опыт и вознаграждения за службу, а также их боевые дела.

Эти обстоятельства определили форму предлагаемой читателю книги. Первое, конечно, – это характер и количество данных, доступных для изучения. Второе, хотя я старался сделать свое исследование почти всесторонним, я не стал рассматривать в нем финансовую сторону экспедиции по двум причинам: она неразрывно связана с финансированием всей войны, и она рассмотрена в отдельном специальном исследовании, которое сейчас уже далеко продвинулось. Но главным основанием для этого все же было мое собственное представление о том, что нужно, чтобы обеспечить единство этого труда и пропорциональность его частей.

О битве при Пуатье написано так много, что я бы предпочел вообще не рассматривать ее. Но сделать так означало бы лишиться экспедицию принца ее самого славного эпизода, а повествование – того единства, которого я желал добиться. Поэтому я применил здесь тот принцип, которому следовал во всей работе: боевые действия заняли свое законное место, но я уделил внимание и другим сторонам этого сражения.

Я сожалею, что не имел возможности воздать должное гасконцам и валлийцам. Гасконцы внушили принцу замысел этой экспедиции, искренне приветствовали ее, помогли осуществить ее во время обоих походов и в битве при Пуатье, а их предводители были деятельными и надежными людьми. Однако не сохранилось данных об их численности, а этот показатель необходим, чтобы оценить, насколько важна была их роль. Что касается уроженцев Северного Уэльса, исследователя и тут ждет разочарование из-за нехватки данных. Сохранился всего один отрывок реестра Черного принца, относящийся к этой области. Если

бы у нас были разделы реестра за 1557 и 1558 годы, мы, вероятно, нашли бы там «почетные упоминания» и интересные данные о наградах, сравнимых с теми, которые получили чеширцы.

Я обошел французские библиотеки в поисках трудов научных обществ и местных историков и имел честь встретиться с архивистами департаментов и городов Тулузы, Бордо и Пуатье. Я также переписывался с архивистами еще нескольких французских городов. В общем и целом можно сказать, что французские архивы, как национальные, так и местные, содержат мало материала по этой теме и что Делашеналь, Муасан, Молинье и Брейль использовали основную часть французских данных. Еще несколько французских работ уточнили неясные места в рассказах хроникеров о походе принца через Лангедок.

Фруассар – ненадежный источник, когда речь идет о подробностях, но его труд необходим исследователю как общая картина той эпохи. Поэтому хроники Фруассара тоже были использованы – надеюсь, с должной разборчивостью; и когда мне казалось полезным процитировать его слова, я, как правило, чувствовал, что перевод лорда Бернера, выпущенный в издательстве Globe, лучше подходит для моих целей, чем пересказ на современном английском.

Для кампаний 1355 и 1356 годов невозможно сделать то, что Роттли сделал для битвы при Креси. Поименный список, вероятно интересный для специалистов по истории XIV века, можно найти в указателях реестра Черного принца, в календаре патентных списков и в других частях дневника Хенкстуорта.

Попытка описать средневековую военную экспедицию «со всех сторон» вынуждала меня углубляться в административное искусство, дипломатию, оружейное дело, финансы, географию, топографию, юриспруденцию, мореплавание и еще несколько областей, для которых необходимы специальные познания; и рассчитывать, что в исследовании, когда оно охватывает такую широкую область, не окажется ни одной ошибки, – значит ожидать слишком многого. Многосторонность не достигается без риска.

Г. Хьюит

Глава 1

ФОН ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ

Военная экспедиция принца Эдуарда в 1355 году была началом нового этапа Столетней войны, новой главы в истории Гиени (на современных картах – Гюьен. – *Ред.*) и нового этапа деятельности принца.

На начальных этапах этой долгой войны боевые столкновения как на море, так и на суше, как правило, имели исход благоприятный для англичан. Победа при Слейсе (1340) дала английскому королю Эдуарду III преимущество на море и укрепила союз (с фламандцами. – *Ред.*) на севере; при Креси были унижены французский король и его дворяне. (В битве при Креси в 1346 г. разрозненные атаки рыцарской конницы французов, увязнувшей в раскисшем после дождя поле, были отбиты укрепившимися на холме англичанами, прежде всего благодаря их лучникам. – *Ред.*) Захват Кале (1347) дал англичанам важный плацдарм на французской земле, и обе стороны признавали важное значение этого плацдарма; кампания Генриха, графа (позже герцога) Ланкастерского показала, что англичане могут применить свою силу не только на севере (кроме того (английский историк в свойственной англичанам манере об этом не пишет) состоялись осады англичанами французских крепостей Камбре (1339) и Турне (1340), которые закончились для британцев полным провалом. – *Ред.*). Но эти успехи были слишком незначительными для того, чтобы пошатнуть власть династии Валуа. (В 1328 г. династия Капетингов (по прямой линии) прекратилась, т. к. ни один из сыновей Филиппа IV не оставил после себя мужского потомства. Франция выбрала на королевский престол представителя новой династии – Валуа, младшей линии рода Капетингов. Английский король Эдуард III, внук французского короля Филиппа IV по материнской линии, предъявил свои притязания на французский трон. – *Ред.*) Королю Эдуарду III, чтобы занять французский престол, нужно было более мощное и длительное давление на французов, чем его прежние попытки.

Три обстоятельства помешали ему начать еще одну большую военную кампанию. Первой помехой была эпидемия (чумы. – *Ред.*), которая на какое-то время нарушила общественную жизнь, экономическую деятельность и, естественно, военные действия в Западной Европе. Второй помехой была внутренняя особенность как английского, так и французского общества: ни один из этих народов тогда еще не мог долгое время содержать в полевых условиях большую армию. Третьей помехой была политика папского престола: папа постоянно предлагал свои услуги (с целью достижения мира. – *Ред.*) в качестве посредника. Хотя первоначальные успехи ободрили Эдуарда III, английский король был еще далеко от своей цели. Король Франции Филипп VI, хотя и понимал, какие сильные удары получила его страна, не желал подчиниться требованиям (весьма наглым. – *Ред.*) Эдуарда III. Мир был недостижим, но обе стороны были бы рады перерыву в войне. В сентябре 1347 года было заключено перемирие, которое потом продлевали несколько раз, а в ходе встреч представителей Франции и Англии делались попытки заключить мир.

Условия перемирия были простыми. Его должны были соблюдать все воюющие государства и все государства – их союзники; все осады в Гиени, Пуату и Бретани немедленно прекращались; людям, заплатившим за себя выкуп, обеспечивалась неприкосновенность; купцы могли приезжать и уезжать так же свободно, как в мирное время; были назначены люди, которые должны были предотвращать нарушения перемирия. Эти условия оставались, или предполагалось, что должны оставаться, в силе до возобновления военных действий в 1355 году.

1348 – 1355 годы были заполнены активной дипломатической деятельностью с целью добиться постоянного мира. Папы Климент VI и Иннокентий VI из своего дворца в Авиньоне отправляли посланников ко дворам обоих противников, а затем посылали одно письмо за другим, подчеркивая серьезность их задачи, и этим посланникам, и королям, умоляя их склониться душой к заключению мира. По содержанию этих писем видно, что английская сторона все тверже стояла на своем и что англичане чем дальше, тем сильнее сомневались в беспристрастности посланников. Мир так и не был достигнут. Но перемирие несколько раз продлевалось на год или близкий к году срок.

Однако дипломаты с их искусством переговоров и папский престол с его милосердной помощью не могли предложить королям такое урегулирование спора, которое было бы приемлемо для обоих. Население Франции тогда еще по-настоящему не чувствовало себя единым народом. То, что Аквитанией правил английский герцог, не вызывало возмущения у жителей Гаскони. В большинстве случаев его решения совпадали с чувствами, которые местные жители унаследовали от предков, и с их коммерческими интересами. Теоретически оно не противоречило и феодальному порядку: сеньор не обязательно должен был происходить из того же народа, что и его вассалы. Но на деле это правление противоречило глубинным силам, которые медленно и незаметно вели все части страны, известной под названием Франция, к объединению под властью французских монархов. Положение Эдуарда III не вписывалось в рамки тогдашних норм. Как король Англии он был равен французскому королю; но как герцог Аквитании был его вассалом и по феодальным законам был обязан не только признавать его сюзереном, но и выполнять для него вассальные повинности за этот феодал. Эдуард III иногда был готов отказаться от своих притязаний на французский трон в обмен на формальное признание независимости Гаскони от Французского королевства. Однако французы ни в коем случае не могли связать себя соглашением о таком признании.

Похожая трудная ситуация существовала за несколько поколений до них, когда английские короли были также и герцогами Нормандии. Французский король Филипп II Август силовыми мерами устранил опасность, которую создавало для Французского королевства соединение этих двух титулов в одних руках. (В начале XIII в. Филипп II захватил большинство английских владений на континенте, в т. ч. Нормандию, закрепив свои завоевания в драматичной, но славной битве при Бувине в 1214 г. и победив превосходящие войска германского императора, графов Фландрского и Булонского и англичан. (В ходе этой битвы французский король был сбит с коня, но пока враги искали в его доспехах место, через которое можно было его поразить, французы отбили своего короля.) В этом же году чуть ранее сын Филиппа II разгромил высадившееся английское войско при Ларош-о-Муан. – *Ред.*) Оставалось только уничтожить, силой или иными способами, опасность, возникшую из-за наследования герцогства Аквитанского. Юридическое решение спора было дешевле и изящнее, чем явная война. Гасконским подданным короля Англии было предложено обратиться в высший феодальный суд. В лучшем для англичан случае такой судебный процесс подрывал авторитет Эдуарда III, в худшем – землю конфисковали. С помощью таких судебных процессов (прежде всего боевых действий. – *Ред.*) французские монархи отгрызали от английских владений один кусок за другим, и это постепенное сокращение английских земель невозможно было остановить. Против экспроприации земель по закону Эдуарду III нечем было бороться.

Но тут стало похоже, что переговоры, наконец, приближаются к заключительному соглашению. В апреле 1354 года полномочные представители королей и два кардинала встретились в городе Гин и составили черновой вариант договора, согласно которому Эдуард III отказывался от притязаний на французский трон, Иоанн II же признавал независимость герцогства Аквитанского. Это означало, что Эдуард III навсегда переставал быть вассалом французского короля. Утвердить этот договор предполагали той же осенью в Авиньоне, а

герцог Ланкастерский, епископ Норвичский и граф Арундел получили полномочия обсудить при папском дворе условия окончательного мирного договора. Они приехали туда в сопровождении внушительной свиты и были встречены с показным радушием, но договор не был подписан. Представители Франции отказались от договоренностей, достигнутых в Гине, и результатом встречи было лишь продление перемирия до середины лета 1355 года.

Старший сын и преемник Филиппа VI Иоанн II Добрый (правил в 1350 – 1364 году) заботился о том, чтобы его королевство не дробилось на части, и потому твердо решил не уступать англичанам ни пяди французской территории; но во Франции были и партикуляристы, которые препятствовали королю в его политике и в то же время создавали возможности для вторжения англичан во Францию. В разное время они давали о себе знать в прибрежных районах Фландрии, Артуа, Нормандии, Бретани и Аквитании. Как раз в это время произошло их очередное выступление на севере: Карл Злой решил перейти от одного сюзерена к другому – он предложил себя в союзники английскому королю. Карл был не только королем Наваррским, но также имел другие весьма обширные владения: Эвре, Мортен, Пор-Одемер, Шербур, Валонь и Карантан, что делало его одним из самых могущественных феодалов Нормандии. Для Эдуарда, уставшего от бесконечных переговоров, Карл со своими интригами был полезной поддержкой в борьбе против французского короля. С ним был заключен договор, и ему было обещано, что к нему на помощь будут посланы войска.

Через несколько недель после этого открылся еще один путь для вторжения англичан. Из Гаскони к английскому королю прибыли несколько феодалов, чтобы пожаловаться ему на образ действий Жана д'Арманьяка, наместника французского короля в Лангедоке, и попросить, чтобы Эдуард позволил своему сыну, принцу Уэльскому, приехать в Гасконь.

Эдуард, довольный тем, что дальнейшие переговоры с французами оставляли мало надежд на приемлемое для него урегулирование спора, и уверенный, что в случае военных действий будет иметь поддержку на французской земле, стал думать о возобновлении войны. Некоторые его действия в начале 1355 года, возможно, предвещали ту политику, о которой он открыто объявил лишь в апреле. В феврале были реквизированы три корабля для доставки продовольствия в королевские замки в Гаскони. Король и Бартоломью де Бургерш-младший получили от папы разрешение отложить обещанное паломничество в Сантьяго-де-Компостела (в Северо-Западной Испании). В начале марта были отданы приказы реквизировать корабли, чтобы перевезти графа Уорвика и других знатнейших аристократов в Гасконь. Джон де Чиверстон был назначен сенешалем Гаскони¹.

В начале апреля война была объявлена открыто. Папским нунциям, которые приехали в Англию с положенной по обычаю большой свитой, английский король заявил, что не желает продлевать перемирие, поскольку французы за время его действия причинили значительный ущерб его заморским владениям. Он, король, обсудит это с членами своего совета и сообщит о своем решении через своего посланника. Если говорить коротко, с середины лета между Англией и Францией должна была возобновиться война. На заседании совета было решено, что принц Уэльский с английской армией отправится в Гасконь.

К концу апреля административная машина по сбору флота уже была на ходу, и аристократы, которые должны были сопровождать принца, получили предварительные платежи. 1 июня король в письмах к архиепископам объяснил, что французские послы при папском дворе отказались от соглашения, принятого в Гине, и поэтому он обязан возобновить войну.

Область, куда должен был отплыть принц Уэльский, в английских документах XIV века называется Аквитания, Гиень (Гюйен) или Гасконь, и между этими названиями нет

¹ Информация о датах не совсем полна. См.: Calendar of Patent Rolls (далее – *C.P.R.*), 1354 – 1358, 22, где Джон де Чиверстон назван сенешалем Гаскони в марте 1354 года.

четких различий. Слово «Аквитания», разумеется, использовали как название герцогства Аквитанского, но в записях, в английских хрониках и у Фруассара чаще всего встречается название Гасконь. Но авторы французских хроник и современные французские историки обычно отличают Гасконь от Гиени и в тех случаях, когда необходима точность, обычно используют название Гиень (Гюйен). Воины из союзных принцу войск, набранные в области между Пиренеями и провинцией Сентонж, имели боевой клич «Гиень, святой Георгий!» или просто «Гинь!».

Еще задолго до середины XIV века Аквитания, Гиень и Гасконь перестали быть политическими образованиями и стали единой областью, которую англичане и французы делили между собой. Огромное наследство, которое в XII веке принесла английской короне Алиенора Аквитанская, сократилось до полосы длиной примерно в двести миль, которая тянулась вдоль побережья от южной части провинции Сентонж (окрестности Рошфора) до Пиренеев, а ширина ее, если измерять от побережья в глубь страны, была от тридцати до шестидесяти миль. Однако частями этой полосы были два опорных пункта стратегии англичан – Страна Басков с Байонной и нижнее течение Гаронны с Бордо. Это был именно тот край, который в прошлом терпел урон из-за французских вторжений, а немного раньше вынес на себе тяжесть агрессии французов, тот край, который позвал англичан на помощь; он должен был стать базой для военных операций принца и своими войсками поддержать его против французов.

Нет ничего удивительного в том, что жители этого края были на стороне англичан. За двести лет, прошедших с той свадьбы, которая объединила герцогство Гиень с Английским королевством (Алиеноры Аквитанской и Генриха Анжуйского, позже английского короля Генриха II), герцоги-короли поддерживали и укрепляли верность им их здешних подданных. Генрих II несколько раз приезжал в это герцогство до того, как передал его своему сыну Ричарду Львиное Сердце. Ричард жил здесь больше, чем в Англии. Иоанн Безземельный (который в борьбе с Филиппом II Августом потерял почти все английские владения во Франции), правда, ни разу не посещал Гиень, но Генрих III и Эдуард I прожили в ней какое-то время, и в разное время наместниками английского короля в Гиени были члены или родственники королевской семьи – Ричард Корнуоллский, Симон де Монфор и Генрих, граф Ланкастер.

Система управления, при которой и сенешаль Гаскони, и констебль города Бордо назначались на свои должности английским королем (и обычно были уроженцами Англии), поддерживала постоянную политическую связь этого края с Англией. Однако многие должности второго уровня занимали гасконцы, в состав королевского совета в Гаскони входили виднейшие местные феодалы. Собрание трех сословий Гаскони обеспечивало дворянам возможность – или по меньшей мере подобие возможности – хотя бы консультировать королевскую власть по поводу чрезвычайных налогов. Аппарат управления в этом краю – как и в любой другой стране – имел много недостатков, но, по мнению месье Бутрюша, «Гиень (с Нормандией) имела самую лучшую систему управления среди великих феодалов того времени».

Помимо этих политических связей, были и личные контакты, помогавшие поддерживать понимание между Англией и ее дальними владениями. Гасконские феодалы бывали при английском дворе, гасконские купцы приезжали в Англию закупать зерно, гасконские вино-торговцы постоянно вели дела с английскими купцами, англичане же приезжали в Гасконь по королевским или своим собственным делам, и каждый *наезд* означал приезд в этот край целой толпы англичан – дворян и недворян.

Но самой глубинной причиной такой долговременной верности гасконцев английскому королю была их собственная выгода. Для них вся вражда англичан и французов была только спором династий или феодалов. (Действительно, в это время абсолютное большин-

ство английских феодалов были нормандско-французского происхождения и, как и английские короли, говорили только по-французски. – *Ред.*) Идея объединения всех, кто живет между Пиренеями и Ла-Маншем, в одно государство под властью короля Франции еще не могла встретить теплый прием на юго-западе. Выражением идеалов жителей этого края был их боевой клич: «Гиень, святой Георгий!» или даже «Гиень!». Герцог Гиени был их природным господином, и они следовали за ним, так что моральные основания их позиции были совершенно ясны. Экономические причины были еще более очевидными. Хотя Гасконь и Гиень (Гюйен) вели большую торговлю с Северной Европой, главным потребителем местных товаров была Англия. В XIV веке Гасконь и Гиень процветали, и каждый английский *наезд* увеличивал это процветание. Английские короли строжайшим образом соблюдали муниципальные и торговые права не только Бордо, но и менее крупных городов, а если возникал спор о правах – что случалось часто, – короли старались примирить спорящие стороны².

Гасконцы в душе были сторонниками своей местной независимости. Полная самостоятельность в то время была невозможна, но под английской властью они имели больше свободы, чем дала бы им французская власть, и благодаря тесным связям с Англией местные жители жили богаче, чем могли бы жить при более тесных связях с Францией.

Однако верность делу Англии означала необходимость терпеть нападения французов во время каждого активного периода войны. С 1337 по 1340 год французские войска прошли по долинам рек Гаронна и Дордонь, овладели Сент-Макером и заняли Ла-Реоль, дошли до окрестностей Либурна и Сен-Эмильона, вели яростные бои вокруг Бурга и Бле. Во время перемирия депутация гасконских дворян приехала в Англию (и еще одна такая же депутация должна была приехать в 1355 году), чтобы напомнить Эдуарду III, как им необходима защита, а когда в 1345 году военные действия возобновились, граф Дерби нанес французам ответный удар, вернул недавно потерянные земли и, кроме них, захватил Бержерак, Оброш и Эгюйон.

Положение было выровнено, и во время прекращения (или частичного прекращения) военных действий с 1347 по 1355 год гасконские города, так тяжело пострадавшие во время этих двух походов, были восстановлены и заново укреплены. Но, по сути дела, обстановка была очень нестабильной: здесь между войсками стран-противников не было Ла-Манша, а граница между ними была определена нечетко и менялась под давлением то одной, то другой стороны. Дерби благодаря своей решительной политике отодвинул линию границы в восточном направлении, но в 1351 году он был снят со своей должности, а его преемник, граф Стаффорд, был не таким энергичным, и вскоре основная часть завоеваний Дерби была потеряна. В конце 1352 года наместником короля Франции в Лангедоке и соседних провинциях был назначен Жан д'Арманьяк. В январе 1353 года он признал и одобрил возвращение в ряды сторонников Франции нескольких предводителей, которые раньше сочувствовали англичанам, а в феврале того же года начал осаду города Сент-Антонен-Нобль-Валь в Руерге. (Графство Руерг находилось к северо-востоку от Тулузы. – *Ред.*) Он также отправил отряды своих войск осаждать города и замки между Ажаном и Периге. Его последующие действия предвещали беду гасконцам. Консулы Ажана приняли меры, создававшие препятствия для экспорта зерна в Гасконь. Штаты Лангедока, которые созвал Жан д'Арманьяк, проголосовали за выделение ему крупной суммы, которую было решено собрать немедленно, а сенешальство Каркасона проголосовало за выделение денег и приняло решение собрать их в три приема, поскольку борьба будет долгой; был также принят ордонанс о том, что каждый мужчина в этих краях должен приобрести себе оружие.

² См., например Gascon Rolls (Гасконские списки) 66/68 в 6.

Осада Сент-Антонена была временно прекращена согласно условиям перемирия, но возобновилась в июне 1353 года, когда начались мелкие военные столкновения на обширной территории, главным образом вокруг Бовиля. Ажан прислал двести саперов, которые должны были «идти и причинить вред вражеским землям». Англичане упорно сопротивлялись, города во время боев переходили из рук в руки, но в конечном счете Эгюйон и Презас достались французам, англичане отступили, и к концу 1354 года Жан д'Арманьяк создал силы, угрожавшие английским владениям в Гаскони.

Такой была обстановка, когда гасконские дворяне отправились в Англию, чтобы рассказать королю Эдуарду III о положении дел в их стране. Им было трудно обороняться, но было совершенно необходимо дать отпор натиску Арманьяка, а значит, для этого была нужна помощь английских войск. А поскольку уже более пятидесяти лет ни один английский король и ни один наследник английского престола не приезжал в Гасконь, с политической точки зрения было выгодно, чтобы эти войска возглавил один из сыновей короля, – и действительно, это укрепило верность гасконцев³.

Если же взглянуть на эту ситуацию шире – в контексте всех англо-французских отношений, то она давала возможность англичанам перейти к более широкомасштабным действиям. Грабежи, учиненные Арманьяком и его войсками, породили вражду к французам, достаточно сильную для того, чтобы гасконцы оказали поддержку английскому королю, если бы тот решил нанести из Гаскони удар, который приближал достижение его главной цели. И король Англии мог отправить туда экспедиционную армию, которая могла не ограничиваться оборонительными и карательными мерами и даже не только контратаковать. Эта армия могла бы продемонстрировать на юге Франции твердость намерений короля Англии требовать французский трон для себя так же ясно, как другие военные операции английских войск продемонстрировали силу его воли на севере страны. Подходящим предводителем для такого похода был наследник престола, принц Эдуард.

В июне 1355 года принцу исполнилось двадцать пять лет. У него был свой дом в Кеннингтоне, был совет, управлявший его поместьями, большой доход (однако недостаточный для того образа жизни, который он вел). Принц не был женат.

Эдуард был наследником престола с самого рождения, то есть испытал на себе те влияния, которые формируют жизнь и характер большинства молодых людей, которым предназначено занять высшее место в стране независимо от того, есть ли у них склонность к этому или необходимые способности. Народ ожидает, что наследник будет уважать законы своей страны, вести достойный его звания образ жизни и играть роль наиболее вероятного преемника их государя с достоинством, великодушием и некоторой долей скромности. Народ также ожидает, что он будет достойно проявлять себя в тех областях жизни, которые в это время считаются подходящими для королевской особы. Если принц не упускает из виду желания подданных и не потакает слишком явно своим наклонностям, народ высоко ценит наследника, отмечает его достоинства, одобряет добродетели и считает воплощением своего идеала.

Но как только наследник становится мужчиной, для него наступает время испытаний. «Весь мир и вся его слава, – пишет Бегхот, – все самое привлекательное, все самое соблазнительное всегда предлагалось принцу Уэльскому в те дни и всегда будет предлагаться. Было бы неразумно ожидать величайшей добродетели там, где искушения в их самой трудной для преодоления форме действуют на человека в то время жизни, когда его мораль наиболее слаба». Долг борется с удовольствиями. Становится труднее хранить верность иде-

³ Этот результат был достигнут: *valde confortavit fideles de Vasconia* (что на латыни значит: «очень ободрил верных гасконцев». – Пер.). *Chronicon Galfridi le Baker de Swynebroke*, ed. Thompson, E. Maunde (далее – *Baker*), 128.

алу жизни, посвященной великому делу. Часто блестящий юноша незаметно превращается в обычного человека. Однако посредственность не помеха для глубокого уважения. Для того, кто занимает «должность» принца, достаточно хорошо играть роль принца.

В середине XIV века роль принца Уэльского была predeterminedena, когда этот принц был еще подростком, и стала ясна еще до того, как ему исполнилось двадцать лет. Эдуард III был успешным королем в прямом смысле этого слова. Он был известен своей физической силой, большой любовью к оружию и умением им владеть, блеском своего двора и любовью к церемониальной стороне рыцарства; и он вел во Франции войну, в которой рыцари могли получить награды. Все это английский народ одобрял. И принц, который желал проявить себя достойно, мог лишь только стараться подготовить себя к той роли, в которой король был доволен собой и получает поддержку дворянства, парламента и народа. Вероятно, эта задача в большей степени соответствовала природным склонностям и дарованиям принца Эдуарда. Она их сформировала, и иного быть не могло.

Ни один наследник престола не имел лучших возможностей изучить искусство быть королем. Принц Эдуард, родившийся от молодых родителей, воспитанный при дворе, учившийся у Уолтера Берли, сэра Уолтера Менни и сэра Бартоломею де Бургерша, знакомый с видными деятелями государства и Церкви, бывавшими при дворе, замещавший своего отца в совете, когда тот был в отъезде, должно быть, с детства был хорошо знаком с государственной машиной, процессом управления страной и основными вопросами своего времени. Он сопровождал Эдуарда III во время вторжения англичан в Нормандию в 1346 году, был посвящен в рыцари на французской земле, сражался при Креси (командовал правым крылом английских войск. – *Ред.*), участвовал в боях вокруг Кале и в морском сражении при Лез-Эспаньоль-сюр-Мер.

Такой опыт можно считать нормальной для Средних веков подготовкой будущего короля к управлению страной. Но к этому времени стали заметны и собственные склонности принца. Он был самым молодым членом ордена Подвязки и старался играть видную роль в этом высоком обществе. Принц был хорошо знаком с идеалами рыцарского благородства и находился в удобном положении для того, чтобы осуществлять их на деле: одним полем для этого был королевский двор, другим – площадка для рыцарских турниров. Он посещал эти турниры и участвовал в некоторых из них⁴. Принц придумал конструкцию удила для своих боевых коней. Он снабжал членов ордена подвязками, пряжками, наконечниками для поясов и застежками⁵. Для Одли и Чендоса он покупал парами доспехи, обтянутые черным бархатом, а для себя такие же пластины, но бархат на них был красный⁶. Другие подарки – доспехи и коней – он тоже щедро раздавал своим друзьям, которые почти все были старше принца и имели достойные этих рыцарей боевые заслуги до наступления долгого перемирия, которое прервало боевой путь самого принца. Принц Эдуард смотрел на будущее с точки зрения военных подвигов. Через двенадцать лет его стали называть самым рыцарственным из живших тогда благородных дворян – «цветом рыцарства». Фруассар был того же мнения⁷ и в *Хронике четырех первых королей Валуа* описал его так: «Один из лучших рыцарей в мире, в свое время прославившийся более всех».

⁴ Например, тех, которые были в Элтеме. *Black Prince's. The Register of Edward the Black Prince, 4 parts* (далее – *B.P.R.*), IV, 124.

⁵ Дата не позднее 1352 года.

⁶ Если бы принц, выбирая цвета, поступил наоборот, мы поняли бы, почему он получил прозвище Черный.

⁷ Это, конечно, было в очень большой степени комплиментом, но он был применен и в других случаях – например, к сэру Джону Чендосу и к армии принца, когда она грузилась на корабли в Плимуте, *Life of the Black Prince*, ed. Pope, M.K., and Lodge, E.C. (далее – *Chandos Herald*), строка 611). В «редакции», написанной после смерти принца, Фруассар говорит «*che fu en son vivant le plus honnoure' prinche du monde*» (на французском языке того времени это, очевидно, означает «который был при жизни самым почитаемым принцем в мире». – *Пер.*)

Однако в более поздние времена значение слова «рыцарственный» так расширилось, что нам сейчас необходимо указать, что оно означало в XIV веке. В то время главными качествами рыцаря были верность и доблесть. Быть рыцарственным означало принимать сложившийся общественный порядок таким, какой он есть. Рыцарский идеал облагородил манеры при дворе и установил четко определенные правила ведения боя для турниров и даже для войны. Но он не имел никакого отношения к принципу общественного устройства, который был выражен вопросом «Кто был тогда дворянином?». В понятие «рыцарственный» не входила и обязанность проявлять милосердие и сердечную доброту к тем, кто не участвует в боях. Рыцарское благородство было, по сути дела, совместимо с открытым и безжалостным истреблением людей, и вскоре принц проявил холодное безразличие к человеческим страданиям⁸.

Жизнь принца в том виде, как ее вел Эдуард, стоила дорого. Однако он не становился от этого менее щедрым. Принц продолжал дарить своим друзьям деньги, лошадей, части доспехов, украшения, чаши золотые, серебряные или из позолоченного серебра с эмалью; не только близким друзьям, но всего лишь знакомым и даже гонцам, приехавшим от влиятельных особ, он дарил скаковых и боевых коней, выючных и ломовых лошадей, парадных верховых коней. Он тратил крупные суммы на игру (вероятно, проигрывал в кости) и покупал себе очень дорогие украшения тонкой работы. К 1355 году из-за собственных больших расходов и щедрых подарков казна принца была обременена долгами. Поспешно отправлялись в путь гонцы с указаниями собрать и прислать доходы как можно скорее, заключались соглашения о займах под залог будущих доходов. О причинах такой расточительности можно только догадываться. Поведение принца не было недавно возникшей семейной традицией. (Его отец стал королем в шестнадцать лет. Его дед примерно за пятьдесят лет до времени действия этой книги стал королем в двадцать три года и не отличался чрезмерной расточительностью, пока был наследным принцем.) Возможно, это была расчетливая политика, а возможно – нерасчетливая щедрость или просто слабость к подобного рода действиям.

Несмотря на финансовые затруднения принца, его стремление достойно проявить себя в воинском искусстве не ослабло. Перемирие с Францией длилось около восьми лет. Его завершение обещало в будущем возможность отличиться на поле боя. Принц был рад, что военачальник де Бюш потребовал его присутствия в Гаскони, и попросил короля, чтобы тот позволил ему первому переправиться через море. Король, совет и парламент одобрили обе просьбы.

К XIV веку уже существовало представление, что война в какой-то мере должна вестись по правилам, которые должны соблюдать обе стороны конфликта. Летописцы применяли в своих хрониках выражения «законы войны», «закон оружия», «законы рыцарства»; и хотя, разумеется, никого нельзя было принудить к исполнению этих законов (точнее, международных обычаев), все же эти обычаи были очень прочными, и их нарушение могло быть названо неверным или даже бесчестным поступком. Эти правила ведения войны произошли от двух источников. С одной стороны, всеобщее желание иметь какой-то общепринятый порядок действий в повторяющихся ситуациях (например, при сдаче города) привело к формализации отношений между воюющими сторонами и между победителем и побежденным. Эта прогрессивная мера имела международный характер, поскольку командующие каждой из противостоящих армий считали, что их противник обязан соблюдать эти обычаи. С другой стороны, рыцарство уже было международным понятием, объединявшим все военное

⁸ Его поведение в Лиможе хорошо известно, но эта черта характера видна и в нескольких эпизодах первого рейда, что принц был «отважен и жесток, как лев» (*Comme uns lyon fels et crueus*) в битве при Пуатье, и ср. с этим *le prince estoit cruels en son aig.* (На тогдашнем французском это, видимо, значит «принц имел вид жестокого человека». – *Лер.*) Его отец проявил такую же бесчеловечность во время хорошо известных событий в Кане и Кале.

сословие на основе соблюдения определенных принципов и смягчавшим формальные отношения, установленные законом. Например, по закону пленный был собственностью того, кто взял его в плен, а по правилам рыцарства ему было обеспечено хорошее обращение, пока он находился в плену; по закону от пленного можно было потребовать уплаты выкупа до того, как он будет отпущен на свободу, а по правилам рыцарства пленный мог быть отпущен под честное слово, чтобы отдать распоряжения о сборе денег для своего выкупа.

Законы и обычаи войны не делали различия между теми, кто воюет, и теми, кто не воюет. Как бы ни сожалел об этом наблюдатель (и Фруассар часто сожалеет), но, если город был взят приступом, его жители отдавались на милость победителя так же, как солдаты оборонявшегося гарнизона. Обычно начальник гарнизона и мужчины благородного происхождения оказывались в плену, знатных женщин (если они находились в городе) победители щадили, некоторым богатым горожанам, которые могли заплатить за себя большой выкуп, сохраняли жизнь. Но всех остальных, если им не удавалось спастись бегством, победители могли убить – и часто убивали.

Поэтому жизнь людей, не участвовавших в войне, была под угрозой. Их свобода и имущество тоже не были в безопасности. Когда их захватывали в плен, то уводили из домов для переговоров о выкупе. Командующий вторгшейся армии забирал у людей их скот, зерно и вино и ничего не платил за них; а золотом, серебром и прочими ценными вещами завладевали солдаты.

По этой причине, хотя воины в очень многих случаях искренне желали сражаться для того, чтобы прославиться своей отвагой, бои были также возможностью обогатиться. Фруассар, подводя итоги битвы при Пуатье, даже объединяет эти две цели, когда перечисляет ее выгоды. Он пишет, что все, кто сопровождал принца, «стали богаты честью и имуществом». Все ожидали, что военные действия должны быть прибыльными, а самую большую прибыль можно было получить, захватывая пленных, которые могли заплатить за свою свободу большой выкуп. Если не вдаваться в подробности, то правило было такое: рыцарь, захвативший пленника, должен был договариваться о выкупе и оставлял значительную часть этого выкупа себе⁹. Знатные пленники иногда долгое время находились в плену, ожидая передачи (наличными) тех сумм выкупа, о которых договорились.

Однако свобода самых знатных пленников могла стать предметом не только финансового, но и политического торга. Поэтому король – во всяком случае, в Англии – оставлял за собой право на владение такими пленными и на ведение переговоров об их освобождении. Тот, кто захватывал такого пленного, разумеется, получал достойное вознаграждение. Джон Копленд, сумевший в 1346 году взять в плен Давида, короля Шотландии, был награжден очень щедро, и об этом, должно быть, в армии принца знали все до одного. Томас де Холланд тоже получил крупную сумму денег за то, что взял в плен и передал королю графа д'О. Возможность, что в будущей экспедиции будут захвачены ценные пленники, была формально учтена в скрепленном печатью договоре, который заключили между собой король и принц. В этом договоре даже был пункт о том, что, если в плен будет взят «глава» войны, право на него принадлежит королю.

Нужно также добавить, что с пленными, которых удерживали в плену ради выкупа, обычно обращались хорошо. Если это были рыцари, с ними обращались как с почетными гостями, которые случайно были подданными другого короля. Их могли отпустить под честное слово, а во время перемирия воюющие стороны договаривались о том, чтобы таких пленников пропускали через границы, когда они ехали уплатить часть выкупа или возвращались

⁹ Раздел добычи подробно рассматривается и Хэм. Най, D. *The Division of the Spoils of War in Fourteenth-Century England* (далее – Най). Это ценное, но, по моему мнению, не полное исследование этого вопроса.

к тем, кто их захватил в плен, если не смогли внести такой платеж. С заложниками и послами тоже обычно обращались достойным образом.

В общем и целом война была ужасающе жестокой; лучники стреляли с твердым намерением убивать и должны были всеми силами обороняться от одетой в кольчуги и латы конницы, но возникли обычаи, которые руководили поведением воинов, принадлежавших к рыцарскому сословию, и в некоторых случаях облегчали для них тяготы войны.

Для них война в каком-то смысле была игрой или опасным спортом, предназначенным только для дворян. Обучение воинскому искусству было дорогостоящим и трудным. Турниры были прекрасной возможностью для этого и большими событиями светской жизни. Рыцари Золотого руна и Звезды, а также рыцари ордена Подвязки получали приглашения на такие состязания и участвовали в них, и дворяне имели склонность переносить на поле боя те правила, настроение и величие, которые царили на рыцарских турнирах. Это было прекрасно и величественно, но это не была война. Эдуард III, хотя и был рыцарем из рыцарей и любил церемонии и роскошь, не одобрял турниры. А король Иоанн, напротив, поощрял их.

Личные подвиги, как на поле для состязаний, так и на поле боя, были не только военными, но и социальными успехами того, кто их совершил, поскольку служили доказательствами его доблести, самого ценного из качеств воина; а доблестью называлось сочетание большого приобретенного умения владеть оружием и величайшей храбрости. Доблесть ценилась так высоко, что полководческое искусство оказывалось на заднем плане. Командовал армией король, один из членов королевской семьи или кто-либо из знатнейших аристократов, но его пригодность для этой должности значила мало; честь доставалась тому, кто сражался храбрее всех. Не было ни какого-либо подобия позднейшего генерального штаба, ни карт, ни точного представления о ресурсах. Конечно, старшие по возрасту среди рыцарей имели некоторые приобретенные на опыте познания в тактике, но во многих кампаниях не было никакой стратегии¹⁰, и все они сводились к разорению – то есть разграблению территории и унижению ее жителей – земель, по которым армия проходила либо к вражеской столице, либо без ясно определенной конечной цели. У исследователей стало нормой считать эти военные операции не кампаниями, а рейдами, но современники Черного принца не делали различия между рейдом и кампанией. Сам король во главе большой армии в Нормандии или Генрих, герцог Ланкастер во главе армии среднего размера в Гаскони действовали так же, как военачальник более низкого ранга, воевавший на границе с Шотландией. Операции отличались масштабом, но не своим характером.

¹⁰ «Долгие переходы с неясными целями» (*Thompson A.H.* Указ. соч. С. 798); «прерывистость и бесцельность многих средневековых кампаний» (*Tout. Medieval and Modern Warfare*, 24); «Он скорее не был медлительным, а действовал без плана» (*Belloc H. Crücy*).

Глава 2 ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Весна и начало лета 1355 года были временем напряженной подготовки к будущей войне. Согласно обещаниям, данным Карлу Злому и гасконским дворянам, были составлены планы перевозки войск в Нормандию и Гиень (Гюйен). Король также заявил, что сам поведет армию против врага. Таким образом, готовились три похода со схожими задачами, но на разных театрах военных действий. Англия никогда раньше не прилагала так много усилий, как в то лето, когда собирала людей, коней, оружие и корабли для продолжения войны с Францией.

Архиепископам, канцлерам университетов и главным должностным лицам четырех монашеских орденов король в немногих словах объяснил причины возобновления войны и попросил их молиться за него и его людей. Одной этой просьбы было достаточно, чтобы все англичане поняли, какова новая политика их монарха.

Другие меры короля коснулись других сторон жизни народа. Было, разумеется, необходимо реквизировать подходящие корабли и собрать их вначале в устье Темзы, а затем в Саутгемптоне или Плимуте. Стало необходимо контролировать, как обычно делалось во время войн в XIV веке, передвижение людей, продовольствия и даже изменение цен. Отныне никто не имел права отплывать за море без согласия короля, зерно можно было экспортировать только в Кале. Поскольку потребности крупных военных экспедиций требовали накопления запасов вина и вызывали рост цен на него, был отдан приказ осмотреть все винные погреба Лондона, записать количество хранящегося в них вина каждого сорта и определить, какое его количество следует принудительно продать по установленным ценам крупнейшим феодалам и другим владельцам феодов, чтобы общенародный труд – подготовка к войне – шел без задержки. Огромный спрос на доспехи вызвал повышение цен и на них. Поэтому было приказано осмотреть лавки оружейников, оценить находящийся в них товар и выставить его для продажи по разумной цене «знатнейшим господам и прочим владельцам феодов, которые собираются выступить на защиту королевства».

Когда в Англию дошли слухи о том, что французы готовятся уничтожить английский флот и вторгнуться на английскую территорию, в южных графствах были отданы приказы выпускать в море только хорошо вооруженные корабли, в гаванях ставить все корабли близко к берегу, а всем мужчинам этих графств иметь при себе оружие для защиты своего края. На холмах было приказано устроить, «согласно обычаю», сигнальные костры, чтобы местные жители могли быстро узнать о появлении врага и вовремя оказаться «в тех местах, где возникнет опасность».

В мае – июне были набраны участники для тех походов, одному из которых посвящена эта книга.

Армия, которую принц должен был возглавить, делилась на две непохожие части – тех, кто шел с ним самим, и тех, кого привели крупные феодалы, назначенные сопровождать его. Чтобы набрать свою часть воинов, принц сначала отправился в графство Честер, которое уже давно было известно тем, что давало в королевские армии особенно много солдат. Оно управлялось иначе, чем остальная Англия, имело места, где могли скрыться преступники, бежавшие от суда, и уже поставляло большие отряды для завоевания Северного Уэльса, для войн Эдуарда I в Шотландии и для армий, сражавшихся во Франции в 1346 – 1347 годах. Кроме того, люди из Чешира под началом командира-чеширца, сэра Хью Келвели, участвовали в малой войне, которая, несмотря на перемирие, продолжалась в начале 1350-х годов в Бретани.

В делах административного управления к Чеширу обычно присоединяли Флинтшир, а Северный Уэльс тоже находился под управлением чиновников принца. Эти три области, объединенные таким образом, хорошо воспользовались выгодами мира: во Флинтшире шла добыча полезных ископаемых, а Честер стал рынком для значительной части Северного Уэльса.

Хотя национальные чувства валлийцев не угасли, старинная вражда кельтов и саксов ослабла. В таких обстоятельствах валлийские солдаты сражались в составе английских армий в Шотландии и во Франции. Поэтому Флинтшир и Северный Уэльс, так же как и Чешир, были местами, где можно было набрать войска.

Но вербовали солдат в этих трех местностях по-разному. В Чешире нанимали только лучников. В Уэльсе обычно половина нанятых солдат были лучники, а другая половина была вооружена копьями. У чеширских лучников жалование было выше, чем у валлийских. Кроме того, англичане, жившие в Уэльсе, никогда не служили в валлийских отрядах.

До середины XIV века солдаты, набранные в этих трех местностях, шли на войну в зелено-белой униформе (*cotecourtepip*) и носили шляпы таких же цветов. К этому времени предоставление одежды солдатам было достаточно распространенной практикой, но считается, что валлийцы были первыми войсками, которые появились в униформе на поле боя в континентальной Европе. Как были изготовлены эти мундиры, неясно. Сукно для них закупал судья или королевский управляющий Честером. Именно этот управляющий в 1347 году был обязан «выдать каждому (солдату) короткий плащ и шляпу двух цветов – зеленый справа». Но единственное упоминание об их пошиве, которое я смог найти, – это упоминание о 50 *s.*, уплаченных за «кройку и шитье упомянутых *cotecourtepip*» (1328). Записи в документах 1355 года, касающиеся и солдат из Чешира, и солдат из Северного Уэльса, позволяют предположить, что они получали сукно и сами отвечали за изготовление из него одежды.

В 1346 и 1347 годах лучники, отобранные в этих местностях для войны с Францией, всегда получали плату вперед за столько дней, сколько должен был продолжаться их путь от границы графства до порта, где они должны были сесть на корабли, или до того места, где они должны были присоединиться к принцу. Обычно этих дней было четырнадцать, пятнадцать или шестнадцать, а путь солдат проходил через Сэндвич или Дувр. Такие платежи были, несомненно, необходимы, чтобы солдат мог прокормиться в дороге. Кроме того, они облегчали труд офицера, который должен был вести отряд: были случаи, когда валлийские войска отказывались отправиться в путь, пока им не выплатят этих денег.

В 1355 году, когда появились планы возобновления войны, принц вернулся к прежним источникам снабжения действующей армии. Не следует полагать, что его титулы и связь с этим краем к тому времени уже сделали его там очень популярным: принц еще ни разу не был в своем владении (то есть в Уэльсе. – *Пер.*). До 1353 года он не приезжал и в свое графство Честер, а в том году появился там лишь из-за опасного восстания, которое он подавил, применив демонстрацию силы, после чего ему были уплачены очень большие штрафы. Он еще ни разу не вел армию в бой. Позже, после того, как в 1357 году он вернулся в Англию с победой, в народе должна была возникнуть сильная любовь к нему лично, но новобранцы 1355 года шли в войска не под влиянием чувств.

В апреле или мае 1355 года принц провел совещание с некоторыми из своих чеширских рыцарей и оруженосцев по поводу военных налогов, а затем объявил свои указы. Из различных частей графства Чешир нужно было набрать триста «лучших и самых умелых лучников» обычным путем («отобрать, испытать и поставить в строй») и еще «сто лучших и самых умелых лучников, каких можно найти в графстве». Кроме того, требования принца было положено удовлетворять в первую очередь, раньше всех остальных. Из Флинтшира было решено набрать сто лучников, а из Северного Уэльса – сто сорок солдат (неясно, были они лучниками или нет).

Во главе чеширских солдат должны были стоять от сотни (то есть округа. – *Пер.*) Меклсфилд – сэр Джон Найд и Роберт Лег; от сотни Эддисбери – Роберт Браун; от сотен Виррел и Брокстон (совместно) – Хамо де Мески и Хью Голбурн; от сотни Нентвич – сэр Джон Гриффин. Солдат из Северного Уэльса должен был вести Грону ап Гриффит. Для солдат из Флинтшира не назван ни один начальник.

Рыцари получали 2 *s.* в день, оруженосцы и Грону ап Гриффит 1 *s.* в день, чеширские лучники 6 *d.* в день, лучники из Флинтшира и солдаты из Северного Уэльса 3 *d.* в день. Был также один валлийский священник, получавший 6 *d.* в день.

Солдатам были выданы обычные бело-зеленые мундиры и шляпы – один комплект форменной одежды для каждого солдата.

Все три отряда должны были направиться в Плимут, и солдаты из Чешира должны были дойти до этого порта к середине июля. В пути они должны были как-то кормиться, и потому им, как обычно, жалованье было выдано вперед – лучникам из Чешира и Флинтшира за двадцать один день, солдатам из Северного Уэльса (чей путь был, однако, длиннее) за десять дней, рыцарям за столько дней, сколько пройдет от их отъезда из дома до прибытия в Плимут, – формулировка слишком расплывчатая, но, вероятно, срок устанавливался в соглашении, которое заключал с рыцарем управляющий городом Честер. Сэр Хоуэлл ап Гриффит должен был проделать свой путь «за разумное число дней (жалованье ему заплатил управляющий Северным Уэльсом). Рыцари, кроме того, получили вперед плату за полгода службы.

Тем, кто поступил в войско принца, были выданы охранные грамоты, которые действовали до середины июня 1356 года, а у некоторых грамот, составленных позже, срок действия продолжался до 28 июля 1356 года.

Из Честера большая проезжая дорога вела в Шрусбери, а затем по долине Северна через Бриджнорт, Вустер, Тьюксбери и Глостер в Бристоль. Очень вероятно, что интересующие нас солдаты отправились в путь именно по этой дороге. В Эксетере они вышли бы на дорогу, которая шла от Лондона через Солсбери, Шафтсбери и Йовил до Плимута.

Расстояние от Честера до Плимута – примерно 275 миль. Получается, солдатам, чтобы уложиться в оплаченное время, надо было проходить примерно 13 миль (около 21 км) в день. Идти было легко, светлых часов в сутках было много, и эта задача была вполне по силам этим людям – при достаточном количестве еды. Возможно, кому-то из лучников приходилось стрелять кроликов, снимать с них шкуру и готовить мясо.

Что же касается солдат из Северного Уэльса, то если действительно им выплатили вперед на такой долгий путь жалованье только за десять дней, пришлось, возможно, перенести большие лишения. Может быть, наместник Северного Уэльса еще раньше отослал принцу так много денег из текущих доходов, что не смог оплатить солдатам столько дней, сколько оплатил наместник Честера. Ведь и в Честере было бы невозможно выплатить такие большие суммы, если бы там не были под рукой деньги, собранные, когда жители графства уплатили большие штрафы, наложенные на них в 1353 году.

Операция по набору солдат прошла не совсем гладко. Хотя и было объявлено, что нужды принца следует удовлетворять в первую очередь, есть данные о том, что некоторые чеширские лучники, которые были «отобраны, проверены и поставлены в строй», чтобы идти на войну в его войске, вступили в отряды других командиров. Роберт де Фулшерст (или Фулшерст. – *Пер.*) служил королю под командованием другого военачальника, то ли получив на это разрешение, то ли нет, а некоторые солдаты перешли в войско Генриха, герцога Ланкастерского. До отплытия армии из Плимута небольшое число солдат было признано слишком больными, чтобы отправиться вместе со своими товарищами во Францию, а некоторые дезертировали – около двадцати флинтширцев, четырнадцать солдат из Северного Уэльса и четыре из Чешира. Среди четверых чеширцев был некий Ричард из Вистастона, который

исчез и унес с собой 6 *l.* денег, полученных в качестве жалованья «для себя и своих спутников».

Чеширские лучники были первой группой солдат, следовавших за принцем. Второй группой были люди, набранные способом, который в то время становился нормой. Их набирали не по поручению о поставке солдат в войско и не обязательно из какой-то определенной области; они не были и феодальным ополчением, потому что время, когда бойцы, составлявшие эту громоздкую структуру, действительно служили как солдаты, уже прошло. На смену феодальному ополчению приходила – и к 1350-м годам уже пришла – система военной службы, согласно которой солдаты служили добровольно, и все служившие в войсках, даже крупнейшие феодалы, получали за это плату. Такие нововведения давали возможность набирать войска для более удаленных театров военных действий, повысить дисциплину и принять в армию людей, которых по какой-либо причине привлекала жизнь солдата. Служба за морем была основана на контрактах (имевшего форму договора за печатью) между королем и частными лицами. В таком контракте указывалось число солдат (отдельно для каждой категории), которых следует привести, срок службы, иногда место, где эти солдаты будут служить, и всегда сумма жалованья и размер «наградных» платежей, то есть премий. В контракте также оговаривалась (или подразумевалась) выплата компенсации за лошадей, погибших во время войны, и мог быть установлен порядок распределения «военных выгод». Войска, набранные таким способом, оставались под началом того, кто заключил договор с королем, и командующий сам выплачивал своим подчиненным жалованье (которое лично получал от короля для всего своего отряда вперед – к примеру, за следующую четверть или половину года).

С середины 1340-х годов, когда возникла необходимость отправлять военные экспедиции в Гасконь, Шотландию, Пикардию и Бретань, эта система стала применяться шире, и число солдат, которых аристократ или рыцарь должен был по контракту набрать или держать в готовности, могло быть большим. Например, Ральф, граф Стаффорд в 1354 году согласился «до конца своей жизни оставаться с королем во главе ста вооруженных людей в военное и мирное время».

Подобные договоры, скрепленные печатью, заключались и с людьми, служившими у принца. В 1347 году сэр Джон Хайд, сэр Джон Уиллоуби и сэр Томас Фернивел поступили на службу к принцу на один год, а сэр Джон Фицуолтер на полгода. Условия договора включали для каждого из рыцарей размер его жалованья, количество людей, которые должны его сопровождать, договоренности о поставке продовольствия рыцарям и их солдатам, размер жалованья солдат и в некоторых случаях количество лошадей и условия их содержания. В 1353 году сэр Джон Сюлли был пожизненно зачислен «в особую свиту принца в военное и мирное время, в сопровождении одного оруженосца». Условия договора с этим дворянином служат примером того, какова была основная обстановка жизни рыцаря в то время. Его жалованье составляло 40 *l.* в год, которые следовало уплатить из доходов, полученных с одного поместья в Девоншире, которое принадлежало герцогству Корнуоллскому. В мирное время он и его оруженосец «будут есть в зале, а его управляющий будет есть в зале или получать жалованье в размере 2 *d.* в день. Он будет иметь пять коней, которых будут кормить сеном и овсом и подковывать, и четырех конюхов... Во время войны он будет получать продовольствие при дворе или получать жалованье натурой или деньгами... и будет иметь девять коней... Сам он будет получать верховых коней от принца... Если его вызовут к принцу, ему возместят дорожные расходы».

Вторую группу тех, кто следовал лично за принцем, составляли тяжелая кавалерия и лучники, нанятые командирами, заключившими с принцем договоры на поставку того или иного числа солдат. Имена многих из этих людей встречаются в записях Хенкстуорта. Им платили стандартное жалованье (рыцари получали в день 2 *s.*, тяжеловооруженные всад-

ники 1 с., конные лучники 6 d. и пешие лучники 3 d.). Их общая численность не указана, но известно, что общее число этих солдат, чеширских лучников и людей самого принца, было 433 тяжеловооруженных всадника, 400 конных лучников и 300 пеших лучников, а потому возможен приблизительный подсчет.

Третью группу составляли слуги и чиновники принца, которые не были наняты для экспедиции, а сопровождали его, исполняя свои обычные обязанности. Имена некоторых из них будут названы на одной из последующих страниц этой книги.

Перейдем от тех, кто следовал за самим принцем, к свитам крупных феодалов, назначенных сопровождать его, а именно: графов Уорвика, Суффолка, Оксфорда и Солсбери, сэра Джона де Лайла и сэра Реджинальда Кобхема. Отряд де Лайла насчитывал 100 человек; в это число входили он сам, 20 рыцарей, 39 оруженосцев и 40 конных лучников. Численность других отрядов неизвестна, но они должны были быть крупнее – вероятно, намного крупнее. С их знатными предводителями были заключены договоры – в том смысле, в котором мы употребили эти слова немного раньше. Они получили от короля жалованье за полгода вперед и отправились в путь так, чтобы достичь порта в июле. Де Лайл и его люди прибыли на место 9 июля.

Попытки установить общую численность экспедиционной армии основаны на трех источниках. Во-первых, летописцы в своих хрониках называют цифры: Эвесбери сообщает о 1000 тяжеловооруженных всадников, 2000 лучников и большом отряде валлийцев. Найтон говорит про 800 тяжеловооруженных всадников и 1400 лучников. Уолсингем пишет, что в войске было 1000 лучников и 1000 тяжеловооруженных всадников. Во-вторых, договор за печатью между королем и принцем, датированный 10 июля 1355 года (к этому времени подготовка могла считаться завершенной), содержит указание, что армия состояла из свиты принца, в которую входили 433 тяжеловооруженных всадника и 700 лучников (из них 400 конных и 300 пеших), и отрядов крупных феодалов. В-третьих, были сделаны остроумные, но не доведенные до полного завершения попытки определить количество людей в свитах крупных феодалов по различным «наградным» выплатам и платежам за морские перевозки. Эти расчеты слишком сложны, чтобы приводить их здесь, но конечный результат можно сформулировать так: общая численность армии принца была около 2600 человек. Если делить их по «родам войск», то армия включала чуть больше 1000 тяжеловооруженных всадников, 1000 конных лучников, от 300 до 400 пеших лучников и около 170 валлийцев.

Войско, имевшее эту структуру, состояло вовсе не из безымянных бойцов. Авторы хроник называют имена многих знатных господ и мелкопоместных дворян, а в записях сохранились имена нескольких сотен других участников похода. Предоставление охранных грамот, выдача наград за хорошую службу, назначение поверенных (которые по закону получали право действовать от имени солдата на то время, когда он будет находиться за пределами Англии) – все это зафиксировано в документах. Даже дезертиры и больные, вернувшиеся домой из Плимута, названы по именам, а дневник Хенкстуорта содержит сведения о многих десятках других людей.

Состав этого войска был, вероятно, достаточно типичным для экспедиционных армий того времени. Поскольку король и герцог Ланкастерский были заняты другими делами, главой армии стал принц. С ним были, с одной стороны, четыре виднейших аристократа и, с другой, лучники с берегов рек Ди, Мерси и Уивера. К ним было добавлено по горстке людей почти из каждого графства страны. Жители пограничных с Шотландией земель должны были выполнять другую обязанность – охранять Англию от нападений с севера, но из Уэстморленда приехал рыцарь Роджер де Клиффорд, который поступил в отряд графа Уорвика,

а из Йоркшира явились несколько человек более низкого происхождения¹¹. Было также несколько иностранцев, отнесенных к категории *Almains* («германцы». – *Пер.*)¹². Если характеризовать солдат этой армии не по тому, откуда они прибыли, и не по общественному положению, то нужно сказать, что среди них был, пожалуй, слишком большой процент людей, обвиненных в убийствах. Другие были обвинены в кражах, изнасилованиях, похищениях людей, побегах из тюрем. Было и несколько людей, против которых служители закона вот-вот должны были пустить в ход свою чиновничью машину, и им нужно было получить отсрочку приговора. Но в одном отношении армия принца не была типичной: военачальники того времени обычно не имели в своем войске и конных, и пеших лучников одновременно. Основной упор явно был сделан на лучников, и это, в сочетании с отсутствием минеров и умелых ремесленников (которых использовали в осадных операциях), а также саперов (которые прокладывали дорогу телегам больших обозов), может говорить о том, какого рода боевые действия англичане предполагали вести в Гаскони.

Иногда общение между солдатами из разных составных частей армии было затруднено. Валлийцев и англичан разделял языковой барьер, но даже между уроженцами северных и южных графств Англии была большая разница и в словарном составе языка, и в произношении; а принц и графы говорили на англо-нормандском языке, принятом при английском дворе (т. е. на французском языке. – *Ред.*). Вероятно, они понимали английский язык (Фруасар отметил один случай через несколько лет после этой экспедиции, когда принц говорил по-английски). Прибыв в Бордо, предводители англичан должны были работать с гасконскими дворянами, которые говорили на французском диалекте юго-запада Франции. Некоторые из гасконских солдат говорили на беарнском диалекте. Венгфельд, Бургерш, Чендос, Лоринг и другие приближенные принца, должно быть, говорили и по-английски, и по-французски¹³.

Все четыре знатнейших аристократа, сопровождавшие принца, участвовали в той военной кампании, во время которой произошло сражение при Креси. Роберту де Аффорду (или Уффорду), графу Суффолку было уже пятьдесят семь лет, Томасу Бошану, графу Уорвику – сорок два, Джону де Виру, графу Оксфорду – тоже сорок два, а Уильяму Монтакуту, графу Солсбери – только два дцать восемь. В марте предыдущего года (до официального разрыва отношений с Францией) были отданы приказы собрать караван кораблей, чтобы доставить Уорвика и остальных в Гасконь. Но в действительности Уорвик приплыл туда с основной частью армии. Оксфорд раньше уже служил в Гиени под командованием Дерби (будущего Ланкастера). Суффолк уже долгое время служил и как военный, и как дипломат. В 1340 году он оказался в плену у французов, которые держали его в тюрьме в Париже, и был освобожден, уплатив большой выкуп, в который сам король внес свой вклад – 500 *l.*

Хотя графы благодаря высокому сану и большим свитам занимали видные места в армии принца, рядом находилась группа людей, чьи способности, знания и опыт делали их ценными участниками совета и организаторами деловой стороны экспедиции. Сэр Джеймс Одли, сэр Ричард Стаффорд и сэр Джон Чендос тоже сражались при Креси. Одли, доблестный солдат, владевший землями на севере Стаффордшира и в Девоне, много лет находился на службе у короля. Стаффорд (брат Ральфа, графа Стаффорда) служил под командованием Дерби в Гаскони, а затем на разных должностях – у принца. Он был в числе тех, кому было поручено осмотреть земли принца, когда тот только что стал принцем Уэльским, а позже он сопровождал сэра Уильяма Шершалла на выездную сессию суда в Северный Уэльс. Чен-

¹¹ Например, люди из Кингстон-апон-Халла и Свайнфлита, которые были прощены.

¹² Они могли присоединиться к армии в Бордо.

¹³ Основная часть реестра Черного принца составлена на французском языке.

дос был хранителем и главным управляющим обширных лесов, принадлежавших принцу в Чешире.

В отряде принца было много и других людей, которых он много лет знал как своих чиновников или друзей. Главными из них были сэр Джон Венгфельд, начальник его администрации (который в 1358 году был назван «управляющий делами принца»); сэр Балдуин Ботетур, главный смотритель парадных коней принца; сэр Бартоломью де Бургерш, судья Честера; сэр Найджел Лоринг, камергер принца; сэр Стефен де Касингтон, сэр Роджер де Котсфорд, Алан Чейн, Уильям Трассел.

Среди людей из домашнего штата принца были Николас Бонд, дворянин, состоящий при покоях принца, Дитрих Дейл, привратник покоев принца; Генри де Алдрингтон (портной), Уильям де Бектон (дворецкий), Ричард Докси (пекарь), Роберт Эгрмонт (отвечал за шатер принца), Джеффри Хемлин (хранитель доспехов принца), Джон Хенкстуорт (вел учет платежей), Уильям Ленч, Генри де Беркемпстед и Джон де Пелингтон (слуги). С принцем также были два монаха-проповедника и три служащих, которые упомянуты как священники приходов Колсдон, Скотер и Уитингдон.

Большинство этих аристократов, чиновников и слуг уже хорошо знали друг друга. Они благодаря своим способностям обеспечивали высокий уровень штабной работы в начинавшейся военной кампании. Нередко имена Одли и Чендоса встречаются вместе, и ясно, что, хотя мнение графов выслушивалось с почтением, точка зрения этих двух советников с самого начала много значила для принца. «Герольд Чендос» называет их «главными советниками».

Для графов сопровождение принца в Гасконь было обязанностью, которую им полагалось выполнять согласно их званию, признанием их пригодности для войны и почетом (за что они, разумеется, получали жалованье); для Чендоса, Лоринга и Стаффорда это была часть их судьбы – судьбы людей, которые делали себе карьеру на службе у принца; для Одли это было работой по профессии, за которую он ежегодно получал жалованье; для преступников – возможностью оправдаться перед законом и вернуться к нормальной жизни. Но многих, должно быть, волновало что-то большее, чем обязанность, дело или избавление от ареста, – ведь, несмотря на трудности долгого пути к месту сбора, тяготы плавания по морю и лишения военно-полевой жизни в чужой стране, экспедиция обещала приключения, возможности отличиться и даже стать богатым.

Пока аристократы и простые воины шли к Плимуту, в Лондоне были приняты меры для охраны их интересов во время их отсутствия на родине. Были выданы десятки охранных грамот, а во многих местностях были отданы распоряжения, чтобы, если против лучника или начальника солдат начато судебное разбирательство, оно было приостановлено до его возвращения.

Интересы принца тоже были старательно соблюдены. Он, Венгфельд и другие члены его совета должны были покинуть Англию на много месяцев, и следовало ожидать, что возникнут определенные трудности в управлении владениями принца, его герцогством и его графством – в первую очередь графством. На десяток заранее сделанных его чеширскими чиновниками запросов относительно лесов, замков и усадеб были присланы ясные ответы. Были также даны более подробные указания относительно дичи в лесу Меклесфилд и различных дел, которые надо было решить до возвращения принца.

Кроме того, были учтены последствия предстоящей экспедиции с человеческой и финансовой точки зрения. Многие люди, служившие в домашнем хозяйстве принца, должны были сопровождать его. Поэтому им была выделена крупная сумма денег на покупку всего нужного для экспедиции, а двум монахам-проповедникам также были выплачены деньги на необходимые приготовления. Для принца была изготовлена новая печать, которой он должен был пользоваться в Гаскони.

Одному купцу на короткий срок было дано поручение покупать золото для принца: оно было удобным для перевозки денежным средством, и его принимали в уплату за покупки по другую сторону моря..

Были выплачены военное жалованье и премии, которые назывались наградными платежами. Их общая сумма была такой:

Принц Уэльский.....	8120 l. 18 s. 0 d.
Граф Уорвик	2614 l. 4 s. 0 d.
Граф Суффолк.....	1428 l. 6 s. 8 d.
Граф Оксфорд.....	1174 l. 13 s. 10 d.
Граф Солсбери.....	1124 l. 2 s. 2 d.
Сэр Реджинальд Кобхем	652 l. 0 s. 8 d.

Принц настойчиво потребовал срочного возвращения денег, которые брала у него займы его тетка, графиня Геннегау (Эно), и добился своего. Он также получил деньги, взятые в долг, в размере 500 l. от сэра Томаса Вогана из Ирландии. Эти деньги, возможно, были полезны, но суммы были маленькие по сравнению с теми, которые принц уже взял в долг и с ожидавшими его впереди расходами.

21 июня король сделал два распоряжения в пользу принца – пожаловал ему все деньги, которые ему самому предстояло получить по решениям, которые вынесли сэр Уильям Шерсхалл и другие судьи на заседаниях судов в Корнуолле и Девоне, а также, ввиду того, что расходы принца неизбежно должны быть выше нормы, пожаловал ему 1000 марок в год из таможенных сборов Лондонского порта. В этот период (конец июня и начало июля) принц уплатил многие свои долги, но ранее он много истратил на щедрые подарки, а потому его финансовое положение было непрочным. Надо было объяснить кредиторам принца, что будет с его долгами, если он погибнет в предстоящей экспедиции. И еще до отъезда принца Эдуарда из Лондона пришли королевские жалованные грамоты, в которых было объявлено, что, если принц умрет во Франции, его душеприказчики в течение трех лет после его смерти будут управлять всеми его замками, усадьбами, землями и арендными платежами в Англии, Уэльсе и других местах и выплатят долги принца из полученных доходов¹⁴.

Последним важным делом в Лондоне было заключение договора, скрепленного печатью, между королем и принцем, где были определены полномочия принца в будущей военной экспедиции и вклад в нее короля. Договор был заключен 10 июля. А 12 июля – или около этого дня – принц покинул Лондон. Примерно 26 июля он прибыл в Плимут.

Если бы все прежние меры дали ожидаемые результаты, армия отправилась бы в море тут же. Но кораблей было недостаточно, и, видимо, нужно было какое-то время, чтобы прибыли остальные. Эта задержка (которая продолжалась целых шесть недель) имела очень негативные последствия. Она, вероятно, сильно ухудшила моральное состояние готовых к отплытию войск и, несомненно, нарушила планы намеченного на осень конного рейда, ухудшила состояние финансов принца и создала большие трудности с обеспечением солдат едой.

О неизбежных финансовых затруднениях, возникших в это время, можно судить по письму принца к управляющему Северным Уэльсом: принц сообщил, что «находясь в Плимуте, должен нести больше расходов... чем ожидал», и приказал управляющему попытаться занять 100 l. и прислать ему эти деньги к 16 августа. Было подсчитано, что к концу сентября могли быть собраны крупные суммы денег в Чeshire, Северном Уэльсе и Южном Уэль-

¹⁴ Когда принц уехал в 1359 году из Англии, этот срок был увеличен до четырех лет.

се. Всем трем управляющим были переданы настойчивые требования сделать все возможное, чтобы эти суммы были собраны полностью и переданы главному налоговому сборщику принца. Кроме того, один из чиновников был отправлен в Дорсет для получения налогов, и шериф этого графства получил настойчивое требование срочно собрать их.

Относительно обеспечения продовольствием армий в средневековой Англии есть много данных по движению больших партий продуктов (например, об их доставке в Северный Уэльс, Шотландию и Кале), но мало известно о подробностях того, как было организовано питание солдат во время переходов и в лагерях, пока они находились в Англии. Лучники из Чешира, Флинтшира и Северного Уэльса, несомненно, сами обеспечивали себя едой во время пути на юг и запад к порту, откуда должны были отплыть. Как их кормили в Плимуте, неясно. В этом городе было около двух тысяч жителей. В море и в реке Теймар водилась рыба, но прибрежные земли вблизи этого города были бедными.

Что касается людей, находившихся непосредственно под командованием принца, то в апреле шериф Корнуолла получил несколько приказов собрать для них запас продовольствия в Плимуте, привезти необходимое количество вина из портов Дартмут, Фой и других, а также 100 четвертей овса и 100 четвертей пшеницы и хворост «в месте, которое должно находиться как можно ближе к городу и где это причинит меньше всего ущерба». Было также приказано срочно прислать список уже имеющихся запасов, а позже должны были приехать чиновники принца. Кажется, Бартоломью де Бургерш-сын или его заместитель был послан туда заранее – вероятно, чтобы выполнить приготовления, – и были отданы приказы доставить запасы «в то место возле Плимута, где он поселится».

Если бы экспедиция отплыла вовремя, то, возможно, накопленных запасов хватило бы. Но задержка спутала все расчеты и, может быть, стала причиной уже упоминавшихся «больших расходов, чем ожидал» принц. Для своего домашнего хозяйства он достал общим счетом 17,5 четверти пшеницы – вероятно, в Девоне и Корнуолле. Было также получено продовольствие (какие именно продукты, не указано) из Девона, Сомерсета и Дорсета, суммарная стоимость которого равнялась 1067 *l*. Хотя были даны распоряжения своевременно уплачивать возникавшие при этих закупках долги, прошло много месяцев и возникло много недовольства из-за задержек с уплатой, прежде чем это было сделано.

В эти недели задержки принц жил в монастыре Плимптон, в четырех или пяти милях от порта, занимаясь делами Корнуоллского герцогства и своими финансами. Соотношение доходов с расходами вызывало у его кредиторов опасения, но все же принц оставлял в Англии очень подробный перечень своих займов, приобретений и подарков, которые преподнес и которые получил сам. Тем временем его солдаты ждали отправки, находясь у порта. Кони, снаряжение, доспехи, телеги, мостки были готовы. Недоставало лишь достаточного количества кораблей и попутного ветра. Армия отправилась в путь только 9 сентября.

Помимо сбора людей и вещей и их перевозки к месту отплытия, в подготовительные работы вошло заключение нескольких соглашений общего характера о ведении будущей кампании и некоторые меры, больше относящиеся к политике, чем к военным действиям.

Поневоле имея много свободного времени в дни долгой задержки в Плимуте, а затем в ходе плавания, предводители армии, должно быть, обсуждали военные операции, которые надеялись вскоре осуществить. Маловероятно, чтобы король Эдуард III дал им подробные указания на этот счет. Маловероятно и то, чтобы они составляли планы действий для себя или принца – кроме, может быть, распределения войск и командиров на три отряда, из которых по традиции состояла армия. Дороги, расстояния и рельеф местности за пределами Англии были им неизвестны. В таких экспедициях войскам обычно указывали путь местные проводники, а поскольку армии «жили за счет земли, по которой шли», их маршруты во многом определялись количеством запасов, которые они могли найти в той или иной местности.

Однако для некоторых сторон этой кампании были составлены планы, которые одобрил король. Как наместник короля, принц имел очень большие полномочия в отношении управления Гасконью, ее чиновников и ее доходов. Что касалось финансовой стороны дела, то солдаты уже получили плату и «наградные» за шесть месяцев службы. На случай, если король пожелает, чтобы принц дольше оставался в Гаскони, было обещано жалование еще за шесть месяцев. В основных вопросах войны принц имел полномочия действовать по своему усмотрению. Он мог заключать краткосрочные и долгосрочные перемирия. Было решено, что в случае захвата пленных выкуп за них будет принадлежать ему, но если в его руки попадет «глава» войны (то есть французский король), этот пленник будет принадлежать королю Эдуарду III, однако принц получит достойное вознаграждение. Принц получил также некоторые из военных «выгод». Он мог раздавать в дар земли, захваченные во время войны. И наконец, если принц будет «окружен или осажден», король должен был прийти ему на выручку, и несколько знатных дворян также пообещали оказать всю возможную помощь. При таких обстоятельствах принц мог заключить перемирие или принять другие меры, которые он посчитает необходимыми.

В командовании войсками полномочиям принца не было никакого явно установленного предела. Нет ни одного упоминания о каком-либо совете при нем. А что касается других военачальников армии, то упомянута лишь одна их роль: «Если принц в этих странах понесет какие-либо расходы по совету лордов, которым поручено отправиться с ним, эти затраты будут ему возмещены». Однако эти «лорды» были намного старше принца, и, видимо, подразумевалось, что они будут давать принцу советы не только касательно расходов, но и в других делах. В Бордо и в других местах принц созывал свой совет, в состав которого, несомненно, входили «лорды, которым поручено отправиться с ним».

Определенная подготовительная работа была проделана и в отношении более близких к политике сторон этого большого военного предприятия. В июле 1355 года был составлен ряд документов¹⁵, определявших полномочия принца, в которых были, в неявной форме, раскрыты цели политики короля.

На первом месте было возвращение утраченных земель. Принц имел полномочия «брать в руки короля все земли, города, замки, льготы, таможенные сборы, доходы от чеканки денег и другое имущество, принадлежавшее когда-либо герцогству Гиень».

В тесной связи с этим находилось возвращение утраченных вассалов. Некоторые дворяне в тех землях, через которые должна была идти армия принца, меняли сеньора, выбирая ту из враждующих сторон, которой сопутствовала удача. Не только мелкие феодалы, но и виднейшие семьи, например семейство де Фуа, вели такую расчетливую политику, исходя только из собственных интересов. Например, в 1353 году, когда Жан д'Арманьяк собирался начать свою кампанию, некоторые феодалы, ранее перешедшие на сторону англичан, поспешили обратиться к нему с просьбой о прощении и разрешении присоединиться к французам. Принц имел полномочия решать вопросы, связанные с такой ненадежной или изменчивой верностью. Он мог принимать под защиту короля тех, кто «желал встать или вернуться» на сторону англичан; он имел право объявлять прощение за неверность сеньору и за иные преступления, миловать приговоренных к изгнанию и объявленных вне закона, передавать земли мятежников тем, кто служил верно, или тем, кто желал присоединиться к англичанам.

Третьей целью было приобретение новых друзей и дополнительных войск. Принц имел полномочия вести переговоры и заключать соглашения с людьми любого звания из любого королевства или государства ради установления отношений прочной дружбы и верности. Он также мог принимать от дворян вассальную клятву верности как в Аквитании, так и во Франции.

¹⁵ А именно договор, скрепленный печатью, процитированный выше, и четыре документа в Гасконских списках.

К этим трем задачам могла быть прибавлена четвертая – поддержание дружеских отношений с надежными сторонниками. Семейства Бюш и Лебре все эти трудные годы оставались верны делу Англии и теперь получили награду за свое постоянство. 6 июля король Эдуард пожаловал в дар капталю де Бюшу (к а п т а л ь – редкий титул крупных феодалов на юге Франции, означавший «главный»; названный здесь де Бюш был видным участником описываемых событий и родственником упомянутой ранее семьи де Фуа. – *Пер.*) свои права в городах Бенож и Ила, соляную варницу в Бордо, замок Кастигон возле Сент-Эмильона и многие другие владения. Эти дары были преподнесены и как признание прежних заслуг, и в ожидании будущей службы. Через несколько дней после этого получили признание труды Бернара Эзи, сеньора де Лебре. За свою службу во время войн в Гаскони он уже получил дары от Генриха, графа (позже герцога) Ланкастера, и теперь король подтвердил эти акты дарения.

Хотя принц, может быть, очень смутно представлял себе характер военных операций, которые собирался вести, он получил очень ясные указания о том, какие политические задачи он должен решать. Он был наместником короля, имел в своем распоряжении все средства для управления Гасконью и должен был взять с собой из Англии «достаточно денег для умиротворения народа этой страны (Гаскони) и других целей, которые он почитает полезными для короля». В те дни, когда принц ждал отплытия в монастыре Плимптон, его казначею были выплачены 10 000 марок, которые следовало передать из казны констеблю Бордо, – как указал принц, «чтобы расплатиться за продовольствие и заплатить жителям этих мест за содействие в войне»¹⁶. Принцу должно было понадобиться не только полководческое искусство, но и мастерство государственного деятеля или по меньшей мере умение управлять государством.

Хотя рыцари, другая тяжеловооруженная конница и лучники прибыли в порт отплытия полностью снаряженными для войны, было очевидно, что лучникам во время кампании понадобится дополнительный запас оружия. Поэтому мы коротко расскажем об изготовлении, хранении и транспортировке луков, стрел и тетив.

Хотя в инвентарных списках имущества, хранившегося в кладовых английских замков в середине XIV века, упоминаются арбалеты, типичным боевым оружием был длинный лук. Дальнобойность у него меньше, чем у арбалета, но скорострельность выше, что делало лук грозным оружием на поле боя. Победы, которые английские войска одержали в те времена, были добыты в значительной мере благодаря умелому применению лучников во взаимодействии с конницей. Посаженные на коней, лучники становились намного мобильнее, но лук был слишком большим для стрельбы с коня, и перед боем лучники спешивались.

Изготовление луков и изготовление стрел – разные, но почти всегда связанные между собой ремесла. Изготовители луков и стрел работали на продажу; иногда они заключали договор о поставке своего товара по определенной цене, а иногда их (так же, как других ремесленников) заставляли работать «за королевское жалованье».

Луки были белые или цветные, а продавались дюжинами. Стрелы обычно не делились на категории, а назывались просто стрелами. Но они могли быть «без наконечников», «с наконечниками», «с твердыми, хорошо закаленными наконечниками». Их поставляли связками по две дюжины каждая. Наконечники для стрел были кованые, но об этой работе упоминали редко. В замке Честер в 1350 году был запас из 4000 наконечников, ожидавших, когда их прикрепят к стрелам. Они стоили 52 s. 2 d. Тетивы к лукам поставляли дюжинами или большими партиями.

¹⁶ Казначейство (Q.R.) Отчеты E 101/26/35.

Большие заказы на это оружие поступали в четырех основных случаях: при снаряжении лучников, принятых на военную службу в графстве, при поставках оружия в замки, при перевозке больших партий непосредственно к месту военных действий на шотландскую границу или в один из южных английских портов для доставки во Францию и, наконец, для поддержания в порядке больших запасов оружия, хранившихся в лондонском Тауэре, который был огромным национальным арсеналом. Два эпизода показывают, каков был размер и характер заказов для Тауэра. Король Эдуард 30 января 1356 года направил из замка Бембург четырнадцати шерифам (отвечавшим за девятнадцать графств) распоряжения о поставке общим счетом 9900 связок стрел и 5600 белых луков. Половину этого оружия было приказано доставить в Лондон до Пасхи, а вторую половину – до продолжавшихся две недели праздников в честь Троицы. Второй случай произошел в 1359 году: Уильям де Ротвел, хранитель личного гардероба короля в лондонском Тауэре, получил поручение «взять в Лондоне и в других местах столько оружейников, стрельников, кузнецов и иных ремесленников и рабочих, сколько требуется для изготовления доспехов, луков, тетив, стрел, наконечников к стрелам... и дать им работу за королевское жалованье... купить и срубить лес, пригодный для изготовления стрел... а также купить 1000 луков, белых и цветных, 10 000 связок хороших стрел и 1000 связок лучших стрел с твердыми, хорошо закаленными наконечниками... 100 больших партий тетив... перья из гусиных крыльев и прочие необходимые вещи...».

Не следует полагать, что такие приказы исполнялись или хотя бы могли быть исполнены быстро и полностью. В первом из этих двух эпизодов, то как выполнялось распоряжение, можно в значительной мере проследить по отчетам шерифов, а из них становится ясно, что лишь несколько графств поставили запрошенное количество оружия к назначенному сроку. Шерифы приобрели те запасы указанных товаров, которые были в наличии в подведомственных им землях. Они докладывали о своих закупках и ценах, о том, где оружие будет сложено, каким образом оно будет доставлено в Лондон и сколько будет стоить перевозка. Например, шериф Сомерсета и Дорсета исполнил требование поставить 300 белых луков и 400 связок стрел. Общая стоимость луков (каждый стоил 18 *d.*) была равна 22 *l.* 10 *s.*; стрелы стоили 26 *l.* 13 *s.* 4 *d.*; поставленное военное снаряжение было сложено на телеги и возы в Дорчестере и отослано в Тауэр под присмотром ехавшего верхом служителя; полная стоимость работ по сбору и доставке была равна 74 *s.* Но от Херефорда потребовали 1000 связок стрел, а поставлено было только 363 (по цене 16 *d.* каждая). А из Бедфорда и Бакингема, куда было отправлено указание поставить 600 связок, были присланы только 260 (по 18 *d.* за связку).

Именно из этих запасов, изготовленных или собранных в Тауэре, Уильям де Ротвел поставлял нужное количество оружия по приказу короля. Сколько луков, стрел и прочего было – и было ли вообще – поставлено в экспедиционную армию до ее отплытия в Бордо, я выяснить не смог. (Лучники должны были везти запас оружия с собой, а луки и стрелы, конечно, можно было достать и в Гаскони.) В начале 1356 года большие запасы этого оружия были для войск принца изысканы в Англии и, как мы увидим позже, вместе с подкреплениями отправлены в Бордо.

В течение XIV века роль лошади постоянно повышалась. Монархи, принцы и князья, знатнейшие аристократы и сам глава Церкви окружали себя и своих посланников все большим великолепием. Достоинство знатного господина создавалось не только его придворными должностями, но и количеством его конных охранников. Епископы во время поездок в Авиньон, аббаты и приоры во время поездки в родительский дом брали с собой больше конных слуг, чем обычно. Паломничества в Кентербери и Компостелу становились больше похожими на увеселительные прогулки: путешествовать верхом на коне не так утомительно, как странствовать пешком. Турниры сохранили свою привлекательность и стали более рос-

кошными. Ордена Подвязки, Золотого руна и Звезды были товариществами не только умелых бойцов, но и искусных наездников. Управление конем было составной частью каждого воинского подвига. Отдавалось бесчисленное множество указаний насчет овса, сена, подстилки и сбруи для лошадей.

Изменения в военном искусстве и структуре армий также увеличили значение лошади. Вошло в обычай сажать на коней всех лучников или их часть. Война все больше принимала форму опустошения обширных территорий быстро продвигавшимися войсками. Поэтому армиям было нужно больше лошадей на каждые сто воинов, чем в предыдущем веке. Кроме того, увеличившийся вес рыцарских доспехов и появление доспехов для лошадей создали потребность в крепких телом конях, которые назывались боевыми, и некоторые из них стоили очень дорого. Вьючные и ломовые лошади по-прежнему были необходимы.

Доля в общем числе лошадей верховых, вьючных и тянувших телеги или возы была, несомненно, в разных случаях очень разной. Фруассар, описывая войну на шотландской границе в 1327 году, сообщает, что шотландцы обходились без транспортных средств и без приспособлений для приготовления еды, а англичане, отправляясь в поход, взяли с собой телеги и палатки, но оставили их в Дареме. Однако для кампании 1359 года англичане взяли с собой во Францию очень много хозяйственных вещей (посуду для приготовления еды, палатки, кузницы, ручные мельницы) и перевозили их на запряженных четырьмя лошадьми телегах, тоже доставленных из Англии. Обычная военная кампания была в этом отношении посередине между этими двумя крайностями: транспортные средства использовали каждый раз, когда дорога была проходима для колесных повозок. Некоторые телеги или возы могли быть специально сделаны для применения за морем. Доспехи, запас стрел, некоторое количество подков и гвоздей и немного еды и вина нужно было перевозить почти везде.

Для разведения лошадей король имел конные заводы, за которыми надзирали специальные чиновники. У принца были племенные жеребцы в Меклесфилде, Байфлите, Принсес-Рисборо и Уокинге. Он покупал десятки лошадей (и дарил тоже десятки). Но, разумеется, поставка лошадей для армии была делом не для короля или принца. Лошадь была составной частью той службы, которую были обязаны выполнять те, кто занимал земли согласно феодальному договору; лошадь стала – или могла стать – частью службы, выполняемой по договору. Феодал заключал договор о том, что он предоставит своему сеньору определенное число воинов и лошадей на тот или иной срок. Король же давал обязательство выплатить компенсацию за лошадей, погибших во время войны.

Эта явно необходимая гарантия низшей договаривающейся стороне от высшей привела к установлению правила, по которому стоимость лошадей, принимаемых на службу, определяли путем официальной оценки, чтобы защитить короля от обмана. Эту работу выполняли (обычно в порту, где армия грузилась на корабли) специально обученный служащий и хорошо разбирающийся в этом деле рыцарь. На лошадях ставили хорошо видимые метки, и список лошадей (где были указаны владелец, масть животного и его стоимость) отправляли королю. Этот же принцип был применен в договорах, скрепленных печатью, которые принц заключил со многими рыцарями. Если лошади погибали во время войны, нужно было отправить просьбу о возмещении ущерба, и после должной проверки (а часто и после большой задержки) владельцу выплачивали возмещение¹⁷.

Для подготовки кампании во Франции было необходимо осуществить еще две меры: король взял на себя предоставление транспорта для лошадей и расходы по их перевозке на кораблях, а также обеспечение армии приспособлениями для погрузки лошадей на корабли.

¹⁷ Некоторые примеры, относящиеся к экспедиции 1355 – 1357 годов, можно найти в *V.P.R.* Сэр Уильям Трассел в трогательном письме от 1358 года перечисляет шесть своих лошадей, которых потерял на военной службе, и умоляет заплатить за них.

Наконец, нужно упомянуть еще одну принятую меру. В любое время, когда король считал необходимым, экспорт лошадей мог быть запрещен или ограничен так, что можно было экспортировать только дешевых животных; то, как выполнялся этот запрет, можно было проверить с помощью приказа тому органу власти, который управлял портом, присылать раз в год отчет о количестве лошадей, которые прошли через порт в течение предыдущего года.

Такой запрет был объявлен в январе 1355 года, когда власти Пяти портов (союз портовых городов графств Кент и Суссекс, существовавший еще до завоевания Англии нормандцами. Первоначально их было пять – Гастингс, Хит, Нью-Ромни, Дувр и Сэндвич. Союз существует и теперь, в нем 14 городов, но он уже давно не играет такой важной роли, как в Средние века. – *Пер.*), Бостона, Кингстон-апон-Халла (Гулля) и десяти других портов получили указания препятствовать перевозке лошадей на кораблях с целью продажи и разрешать перевозку лишь лошадей мелких пород.

К несчастью, невозможно отыскать какие-либо подробности ни о том, откуда были поставлены лошади, ни о количестве и цене лошадей, взятых в экспедицию принца в 1355 году. Его собственному отряду было нужно самое меньшее 833 лошади – по одной для 433 тяжеловооруженных всадников и для 400 конных лучников, которых принц должен был обеспечивать лошадьми согласно договорам. К этому следует прибавить лошадей для тяжеловооруженных всадников (а возможно, и для конных лучников) из отрядов знатнейших спутников принца, лошадей для части людей из его хозяйства и администрации и лошадей для рыцарей, взятых на службу на время или пожизненно, а также для их конюхов.

Шорник Лэмкин, у которого принц незадолго до этого приобрел седла, уздечки и другие части сбруи, поставил для экспедиции в Гасконь несколько седел.

Поручение оценивать и помечать лошадей получили Джон Дейнкурт и еще три человека¹⁸. Но существовала договоренность (между королем и принцем), что, если тяжеловооруженные конники предпочтут покупать себе лошадей в Гаскони, то могут сделать это, а оценивать этих лошадей будет констебль Бордо. Этот констебль также должен был оценивать и метить лошадей, которых тяжеловооруженные всадники иногда покупали, чтобы возместить понесенные в ходе войны потери. Принц должен был получить денежную компенсацию за все потери, подтвержденные в установленном порядке.

Разрешение покупать лошадей не в Англии, а в Гаскони могло быть принято, чтобы облегчить приобретение лошадей, которых трудно было достать в Англии, и уменьшить необходимость в морских перевозках в то время, когда шла подготовка еще двух экспедиций. (Экспедиция герцога Ланкастерского отплыла из устья Темзы в июле без лошадей.) Поскольку разрешение касалось только тяжеловооруженных конников, можно предположить, что лошади для конных лучников были собраны в Плимуте вместе с лошадьми военачальников. Насколько мне известно, не сохранилось ни одного экземпляра списка оцененных и помеченных лошадей; я также не смог найти никаких данных о корме, который взяли на корабли, чтобы давать его лошадям во время плавания. В составе экспедиции из Англии отправились и два коновала.

Погрузку лошадей на корабли в Плимуте мы обсудим позже.

Транспортировка английской армии через море в середине XIV века происходила так: выбирали порт, где войско должно было погрузиться на суда; власть реквизировала подходящие корабли; для них нанимали или вербовали насильно моряков; реквизированные корабли и вместе с ними несколько «королевских кораблей» отправлялись в выбранный порт; принимались меры для того, чтобы скоординировать прибытие войск, лошадей и грузов с прибытием кораблей.

¹⁸ Отчет Дейнкурта показывает, что он приезжал в Плимут. О Саутгемптоне он не упоминает.

Состояние гаваней и портовых сооружений до сих пор недостаточно исследовано, и потому нельзя показать, как легкость погрузки определяла выбор порта. В некоторых портах были построены причалы, в некоторых применялись лебедки, в некоторых были лоцманы. В разное время пунктами отправления экспедиций, отплывавших во Францию, были устье Темзы, Сэндвич, Портсмут, Саутгемптон и Плимут. Из Честера отправлялись по морю войска в Ирландию, экспедиция графа Дерби в 1345 году отплыла в Гасконь из Саутгемптона, а большая армия короля в 1346 году из Портсмута.

В мирное время королевские приставы получали указания «арестовывать» корабли для перевозки назначенных должностных лиц к месту их службы в Аквитанию или Ирландию или для перевозки продовольствия в королевские замки, расположенные во Франции. Во время войн эти приставы получали более широкие права, а иногда назначались «адмиралы» для группы портов «к северу от Темзы» или «к западу от Темзы». Эти адмиралы (или их заместители) имели право не только арестовывать корабли и насильно вербовать моряков, но также имели дисциплинарную власть над всеми людьми, служившими на флоте, и проводили в жизнь законы, которые были одной из форм морского права.

Таким образом, за 1340-е и 1350-е годы судовладельцы и капитаны судов привыкли к тому, что в дни перемирия может быть реквизировано небольшое число судов, а в трудное время у них могут потребовать все суда, грузоподъемность которых превышает определенную, указанную в документах величину. Корабли, которые перевозили шерсть во Фландрию, продовольствие в Кале, зерно и соленую рыбу в Гасконь, а также те, которые курсировали между английскими портами, вдруг оказывались переброшенными с торговли на обслуживание потребностей войны. Поскольку кораблям часто приходилось подолгу ждать ветра, то очевидно, что невозможно было точно предсказать заранее ни день их реквизиции, ни день их прибытия в выбранный порт, ни день отплытия самой экспедиции.

Купеческие корабли, вероятно, достаточно хорошо служили в качестве транспортных судов. Военные запасы и снаряжение мало отличались от обычных грузов, плавание через Ла-Манш или через Ирландское море было коротким, дорожные неудобства можно было вытерпеть. Но чтобы переправить по морю большое число лошадей, необходимо было принимать специальные меры.

В некоторых случаях купеческие корабли были «снаряжены для королевской службы», то есть приспособлены для защиты и нападения. Война на море была похожа на сухопутные сражения тем, что бой начинался с обстрела противника стрелами и камнями, в морском сражении этот обстрел продолжался, пока корабли не сцеплялись один с другим, а затем начинался рукопашный бой. Поэтому высокая палуба была преимуществом для лучников, а с высоты мачт можно было метать стрелы или камни. Поэтому некоторые купеческие суда были отняты у торговли; высоту носовой и кормовой частей их корпуса увеличили, и на этих более высоких участках положили между бортами настилы из брусьев, которые стали полами башенок-укреплений, а борта кораблей были усилены планками, закрепляемыми под брусьями пола.

Был также третий род судов – корабли, построенные специально для войны, хотя иногда их могли использовать для перевозки грузов. На таких судах уже при постройке делали башенки-укрепления на корме и носу и «вороньи гнезда» – наблюдательные посты на мачтах. Как правило, эти суда были большими. Они были ядром королевского флота и были известны под названием «королевские корабли».

Сохранилось очень мало точных изображений типичных английских кораблей того времени. На тогдашних монетах и на печатях многих портов Ла-Манша есть изображения кораблей, но эти свидетельства нельзя считать точными. Художники не были специалистами по кораблям, имели очень мало места для рисунка, должны были приспособить рисунок к круглой рамке, и для них декоративность и символика изображения были важнее, чем

его соответствие оригиналу. Прекрасные иллюстрации к хроникам Фруассара относятся в основном к XV веку и по большей части сделаны художниками из континентальной Европы. Английские корабли, которые использовались как транспортные суда для армий в середине XIV века, сильно различались между собой по водоизмещению. У немногих из них оно могло быть около 200 тонн, у подавляющего большинства было меньше 100 тонн, а у многих всего 50. У корабля была одна мачта и один большой квадратный парус, клюз для якорного троса, большое количество разнообразной оснастки. В это время руль уже пришел на смену рулевому веслу¹⁹.

Значительную часть той работы, которой в наше время занимается адмиралтейство, тогда осуществлял управляющий королевскими кораблями из своей конторы в лондонском Тауэре. Он руководил перестройкой купеческих судов для войны, постройкой королевских кораблей и закупкой всех видов снаряжения для тех судов, которые использовались на королевской службе, кроме приспособлений, необходимых для перевозки лошадей.

Для погрузки лошадей на суда изготавливались специальные мостки (*pontes*). Они были достаточно широкими, чтобы по ним могли проехать телеги. Возможно, эти телеги были нагружены продовольствием или вещами и предназначались для обоза воюющих во Франции войск. Поскольку мостки заказывали при каждой перевозке большого числа лошадей, они, видимо, не были частью портового оборудования.

И наконец, для судов, перевозивших лошадей, были сделаны сотни плетеных перегородок размером 7 или 7,5 фута на 4 или 4,5 фута. Когда лошадей в большом количестве доставляли в порт, где им, возможно, приходилось ждать много дней или даже недель, прежде чем их погрузят на корабль, для них нужно было отгородить место, и переносные плетни были необходимы. Они были нужны и после прибытия на место, когда лошадей сводили на берег и давали им время восстановить силы после переезда. Однако главным назначением перегородок было отделять лошадей одну от другой на корабле. В более близкие к нам времена эту задачу решали с помощью планок, подвешенных к крыше или потолку. Я не смог выяснить, каким образом перегородки закреплялись на своих местах.

Поставка мостков и перегородок была обязанностью шерифов прибрежных графств, которые получали соответствующие указания непосредственно от короля.

Суда, полученные и приспособленные таким образом для перевозки экспедиционной армии, нужно было, разумеется, обеспечить командами, и, хотя обычно моряки, видимо, нанимались на корабли добровольно, капитаны выбранных кораблей имели разрешение принудительно вербовать в определенных, указанных в разрешении графствах столько людей, сколько им было нужно для команды корабля. Команды были, по современным меркам, большие, и все члены команды получали одинаковое жалованье.

Уже 14 апреля принц увидел, что часть его армии собралась в Плимуте. Поскольку статистических данных нет, не следует делать из этого вывод, что Плимут в то время был самым крупным портом юго-запада Англии. Однако он был самым западным из тех портов, в которые можно было без слишком больших усилий добраться из любой точки Англии; и если учесть, как проходили морские пути в Средние века, его преимущество перед Саутгемптоном в отношении близости к Бордо было больше, чем сейчас. К середине XIV века из Плимута стали часто, но далеко не всегда, отплывать корабли, которые направлялись в Бордо по делам короля. Из Плимута отплыли дочь короля Джоанна в 1347 году и другая его дочь, Изабелла, в 1351-м. Бернар, сеньор ле Бре, отплыл из этого же порта в 1352 году;

¹⁹ Изображения английских кораблей того времени, современные самим кораблям, можно увидеть на золотых кораблях Эдуарда III. Однако сейчас эти изображения признаны «искаженными и условными...». Более надежный способ – проследить эволюцию судов.

именно в Плимуте был собран флот королевских кораблей в 1354 году. С другой стороны, «арестовать» корабли было легче в более оживленном порту – таком, как Саутгемптон.

Именно из Плимута отплыл сам принц, но есть много данных о том, что немалая часть кораблей для экспедиции была собрана в Саутгемптоне. Возможно даже, что несколько кораблей, предназначенных для доставки английских войск в Гасконь, ждали отправления в Саутгемптоне уже в конце апреля, поскольку 10 марта было отдано несколько приказов реквизировать в южных портах корабли грузоподъемностью в тридцать и более тонн для Уорвика и других знатнейших аристократов, но Уорвик не отплыл. 27 апреля были отданы распоряжения собирать флот для экспедиции принца; корабли для этого флота могли быть реквизированы почти во всех портах Англии, и направлять их следовало именно в Саутгемптон. 6 мая шерифу Саутгемптона было отдано распоряжение послать в Саутгемптонский порт перегородки и мостки для погрузки на корабли лошадей, принадлежащих графам Уорвику и Суффолку; а список платежей показывает, что 8 мая в этом порту находилось сорок четыре корабля, предназначенные для нужд принца. Более того, 31 мая Джон Дейнкурт (заместитель адмирала на северном направлении) приступил к выполнению своих обязанностей в связи с этой экспедицией тоже в Саутгемптоне.

С другой стороны, хотя я не смог найти никаких сведений об отдаче приказов собрать суда в Плимуте, нет сомнений в том, что там ожидали прибытия кораблей, поскольку 6 мая шерифы Корнуолла и Девона получили указания прислать в Плимут перегородки и мостки для погрузки на корабли лошадей принца. Более того, когда в июле прибыл из Байонны король Наваррский с несколькими кораблями, были даны указания, чтобы эти корабли были включены во флот, запрошенный для принца, «в Саутгемптоне или Плимуте, как укажет податель этих писем».

Итак, корабли собирались в обоих портах. Экспедиция Уорвика должна была стать частью экспедиции принца. Корабли, реквизированные для Уорвика, были взяты во флот принца и позже считались частью этого флота. Несомненно, предполагалось, что лошади Уорвика и Суффолка будут погружены на суда в Саутгемптоне. Возможно, Уорвик, Суффолк и их свиты тоже сели на корабли в этом порту. Принц, когда корабль *Saint Esprit* был выбран на роль его «зала», написал из Плимптона (где он ждал отплытия и откуда мог видеть Плимут) мэру Саутгемптона, приказывая ему сделать несколько изменений на этом корабле.. И затем именно мэр Саутгемптона, Джон Клерк, командовал кораблем, на котором принц отплыл в Бордо.

Все меры, которые администраторы могли осуществить, чтобы добыть подходящие суда, принудительно завербовать на них моряков и поставить на корабли приспособления для перевозки лошадей, выполнялись своевременно, и в приказах на этот счет чувствуется настойчивость. Корабли должны были прибыть в порт погрузки к 11 июня, и в начале мая на корабли, которые уже собрались там, был послан чиновник, чтобы выплатить морякам жалованье непосредственно на судах.

Уильям из Уолклейта был послан в Слейс, чтобы привести оттуда в Англию корабль *Big Cog*, чтобы тот к празднику Троицы был готов нести службу везде, где он может понадобиться. Кроме него, нужно было обеспечить командами и подготовить для несения службы корабли *Margaret of the Tower*, *James* и *Giliane*. Добрые жители Эксетера получили указание к середине лета построить судно и обеспечить его командой.

Подробные указания были даны о том, как приспособить корабли к перевозке лошадей. Шерифы Корнуолла, Девона и Саутгемптона получили приказы поставить каждый 2500 перегородок и 15 мостков. Часть мостков должны были иметь длину 20 футов, а часть – 15 футов. То, что было заказано в Корнуолле и Девоне, нужно было изготовить как можно ско-

рее и к 14 июня доставить в Плимутский порт к Генри ле Хью. То, что должно быть изготовлено в Саутгемптоне, нужно было доставить в порт этого города к этому же дню²⁰.

Но срочность выполнения приказов, видимо, была связана с факторами, которые определяли их выполнение, а именно с погодой и процессом набора судов. Один корабль за другим приходил в тот или иной порт, там его «арестовывал» сам адмирал или тот, кто действовал от имени адмирала. Корабль разгружали, капитан сообщал о том, сколько людей ему нужно, чтобы вести свое судно в Гасконь. Адмирал сам разрешал принудительную вербовку людей в том или ином графстве, но посылал сообщение в Лондон; создавалась вербовочная комиссия. Получив людей для своей команды и определенное количество продовольствия, капитан отправлялся в Саутгемптон или Плимут.

Хорошо известно, что принц отплыл из Англии позже намеченного срока, и свидетельства хроник много раз приводили к выводу, что единственной причиной этой задержки были длительные «неблагоприятные ветра». И в самом деле, отсчитав сорок дней назад от 8 сентября, можно прийти к заключению, что флот, уже собранный в Плимуте и готовый отплыть, с конца июля стоял в гавани, дожидаясь, пока изменится погода.

На самом деле все было не так просто. Неблагоприятный ветер мог поставить под угрозу или отсрочить отплытие любой экспедиционной армии: в 1346 году король «медлил, ожидая ветра», а погода в июле 1355 года была действительно неподходящей для флота, собиравшегося отплыть в Гасконь. Принц сам упоминал об этом, и эти ветра помешали движению экспедиции Генриха, герцога Ланкастерского, который 10 июля отплыл вниз по Темзе, затем пытался плыть на юго-запад через Ла-Манш, но не смог. Однако принц упомянул и еще об одной причине: в конце июля кораблей, пришедших в Плимут, было еще недостаточно, чтобы перевезти его армию. Это тоже можно частично объяснить погодой: корабли, реквизируемые в портах восточного и южного побережья, не успели отправиться в Плимут до начала июльских ветров, они могли идти по Ла-Маншу против штормового ветра лишь с огромным трудом.

²⁰ Gascon Rolls. 29 Ed. III, т. II. Лонгмен (Эдуард III, т. I, с. 364), очевидно, ошибается. Он сообщает, что тысячи плетеных перегоронок или фашин (тугие связки прутьев или хвороста. – *Пер.*) были заказаны... для перехода через болота, защиты лучников и использования как прикрытие для движущихся башен. Здесь (и во всех подобных записях того времени) ясно сказано, что перегородки предназначены *pro eskipamento equorum* (лат. «для перевозки на кораблях лошадей»). – *Пер.*) Отчет шерифа Корнуолла позволяет судить о расходах на выполнение этого приказа: дерево и гвозди для мостков вместе со стоимостью их перевозки стоили 8 l. 8 s. 6 d. Расходы на перегородки (включая плату двойным людям, которые доставили их в Плимут) составили 57 l. 3 s. 6 d.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.